ПАМЯТНЫЙ АВГУСТ

В сознании современников дата 23 августа ассоциируется не только с кануном Дня Независимости Украины. У жителей Харькова она связана, прежде всего, с празднованием Дня города и очередной годовщиной его окончательного освобождения от гитлеровских захватчиков летом 1943 года.

Здесь привыкли к проводимым в этот день праздничным и торжественным мероприятиям. Привыкли к многолюдному возложению венков и цветов к Мемориалу Славы в Лесопарке. Привыкли к шествиям ветеранов, парадам войск харьковского гарнизона, громким концертам и сверкающим фейерверкам на крупнейшей в Европе площади Свободы. По тому же сценарию действо проходит и 9-го Мая, в День Победы в Великой Отечественной войне.

В паузах между датами все выглядит иначе. Школьники и незначительная часть туристов и гостей города посещают мемориальный комплекс «Высота маршала И.С. Конева» в 17-ти километрах к западу от Харькова, где поднаторевшие экскурсоводы расскажут об истории боев на Харьковщине и феерически быстром и успешном «ночном штурме» Харькова 23 августа 1943 года. Напомнят, при случае, и об отличительной черте Маршала Советского Союза, коммуниста И.С. Конева — христианском человеколюбии (увековеченном там же, на мемориале, часовней Ивана-Воина) и безмерной заботе о сохранении солдатских жизней в пекле войны.

Более просвещенные жители Харькова читают изданные за пределами Украины современные военные бестселлеры, авторы которых видели этот город, в лучшем случае, из окна вагона при поездках на крымские и кавказские курорты. Зато с уверенностью, наперебой и взахлеб, рассказывают о Харькове, как о нескончаемой череде крупных военных неудач, поражений и трагических катастроф командования Красной Армии 1941–1943 годов.

Финальный аккорд событий — освобождение Харькова в августе 1943-го — историки описывают скромно, основываясь на общеизвестных фактах. Военные мемуары и воспоминания генералов, командовавших в тот период боевыми соединениями Красной Армии, полны единодушия: 23 августа 1943 года освобождением Харькова закончилась успешная Белгородско-Харьковская наступательная операция и грандиозная Курская битва в целом. Москва салютовала победителям 20-ю артиллерийскими залпами из 224-х орудий, а десять отличившихся в ходе боев дивизий приказом Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза И.В. Сталина получили почетное наименование «Харьковских» (в городе в их честь и улица соответствующая есть). Всем всё об этом, вроде бы, известно, сомнений не вызывает и уже давно воспринимается истиной в последней инстанции.

Но знают ли потомки ВСЮ правду о перипетиях окончательного освобождения одного из крупнейших мегаполисов Украины ровно 70 лет назад? За редким исключением — нет… И даже не догадываются, что по накалу боев и величине среднесуточных потерь Белгородско-Харьковская операция была НАИБОЛЕЕ ОЖЕСТОЧЕННЫМ СРАЖЕНИЕМ КРАСНОЙ АРМИИ 1943–1945 годов (более высокими они окажутся лишь при взятии Берлина)…

Пришло время восполнить эти пробелы. Наша книга расскажет о событиях, происходивших не только НАКАНУНЕ 23 августа 1943 года, но и ПОСЛЕ этой даты. Она раскроет жуткую картину гибели десятков тысяч людей в ожесточенных боях, полыхавших в те дни в окрестностях города, но так и не вошедших в официальную, каноническую историю «последней битвы за Харьков». О них — убитых жесточайшим артиллерийским огнем, погибших при налетах вражеских бомбардировщиков, горевших в танках и, что страшнее всего, пропавших без вести — давно и наглухо забыли, а поименно так до сих пор и не вспомнили…

Новые документальные источники раскроют неизвестные страницы освобождения второго по величине города Украины, в горе, слезах и утратах пережившего ужасы и трагедию нацистской оккупации, города, имевшего стратегическое значение в ходе Второй мировой и Великой Отечественной войн.

КРУШЕНИЕ «ЦИТАДЕЛИ»

Замысел Курской битвы (сражения на Курской дуге; 5 июля — 23 августа 1943 г.) считается ныне классикой мирового оперативно-стратегического военного искусства. Но тогда, жарким летом 1943-го, он был дерзок и рискован для каждой из воюющих сторон.

Политическое руководство Германии и Главное Командование вермахта рассматривали летнюю наступательную операцию «Цитадель» в качестве ключевой составляющей всей военной кампании 1943 года. Тщательно разработанная и хорошо подготовленная, обеспеченная крупными людскими и мощными техническими ресурсами, а главное — удачно и быстро проведенная, она создавала реальный шанс на овладение стратегической инициативой и качественное изменение всего хода войны на Восточном фронте. Разгром сильной центральной группировки советских войск в районе Курска (Центрального, Воронежского фронтов и Степного военного округа) выводил гитлеровцев на выгоднейшие рубежи для дальнейшего развития успеха — ударов на юг (в тыл советского Юго-Западного фронта) и северо-восток (в тыл Брянского и Западного фронтов).

Для достижения этих целей в бой был брошен почти миллион солдат, 2733 танка и штурмовых орудия при поддержке почти 10 тысяч стволов артиллерии и 2050 боевых самолетов. Главный козырь — массированное применение новейших и модернизированных образцов бронетанковой и авиационной техники. Концентрация мощи — максимальная: тысяча танков и штурмовых орудий в северной ударной группировке, полторы тысячи — в южной. Приказ — «Только вперед!» Экипажам танков — вести бой до последней возможности: *«Ни при каких обстоятельствах не останавливать танк для оказания помощи поврежденным машинам… Командиры танков должны продолжать наступление, пока танк не утратил мобильность. В случае утраты подвижности, но при сохранении боеспособности орудия (например, технической поломки или повреждения гусеницы) экипаж должен продолжать вести огонь из неподвижного танка»* [16, с. 275].

Стратегическая цель советского руководства и командования Красной Армии была сформулирована весной 1943-го, в Первомайском обращении ЦК ВКП(б): «Вперед на Запад, за освобождение советской земли!» По словам тогдашнего начальника Генштаба РККА А.М. Василевского, *«цель нового* [летне-осеннего] *наступления состояла в том, чтобы завершить наметившийся перелом в войне, разгромить вражеские группы армий «Центр» и «Юг», освободить Левобережную Украину с угольно-металлургической базой Донбассом и восточные районы Белоруссии, изгнав гитлеровские войска за линию реки Сож, среднего и нижнего течения Днепра»* [9, с. 308]. Алгоритм реализации замыслов был рационально прост: с учетом стратегического значения Курского выступа, «главные усилия сосредоточить к северу и югу от Курска, обескровить здесь противника в оборонительном сражении, а затем перейти в контрнаступление и осуществить его разгром. В дальнейшем имелось в виду развернуть общее наступление Красной Армии, нанося главный удар в направлении на Харьков, Полтаву и Киев» [9, с. 310-311].

На шести заранее подготовленных рубежах обороны (трех армейских, двух фронтовых и тыловом государственном) были развернуты войска Центрального и Воронежского фронтов генералов армии К.К. Рокоссовского и Н.Ф. Ватутина. Позади них сосредоточился резерв Ставки ВГК — Степной военный округ (с 10 июля 1943 г. — Степной фронт) генерал-полковника И.С. Конева, призванный подкрепить фронты в обороне, а при переходе в наступление — действовать, в зависимости от ситуации, на орловском или белгородско-харьковском направлении. Состав группировок был максимально сильным (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Численный состав советских войск к началу сражения на Курской дуге

Наименование объединений	Людей, тыс. чел.	Орудий полевых и ПТО	Орудий зенитных	Минометов	Реактивных установок	Танков и САУ	Боевых самолетов
Центральный фронт	711	5 792	1 131	8 606	246	1 785	1 218
Воронежский фронт	626	4 122	781	6 083	272	1 926	1 153
Всего	**1 337**	**9 914**	**1 912**	**14 689**	**518**	**3 711**	**2 371**
Степной ВО	573	3 397	?	4 004 (без 50-мм)	?	1 639	548

Советские войска превосходили противостоящего противника по всем показателям: в людях — в 2,1 раза, в артиллерии — в 2,8 раза, в танках — в 1,8 раза. Одно это ставило немецкую операцию «Цитадель» на грань авантюры, имевшей минимальные шансы на успех.

Одновременно с подготовкой и обеспечением обороны Генштаб РККА с апреля 1943 года разрабатывал план наступательной операции «Кутузов» на орловском направлении. «Ее цель заключалась в том, чтобы усилиями левого крыла Западного и всего Брянского фронтов (10-я, 50-я, 11-я гвардейская, 61-я, 3-я, 63-я армии) в тесной увязке с действиями Центрального фронта, в наиболее выгодный для нас момент, нанести удар по орловской группировке противника и овладеть городом Орел» [9, с. 313]. На Центральном фронте в операции примут участие 48-я, 13-я и 70-я армии, 2-я танковая армия и два танковых корпуса. Кроме них, в бой будут введены 11-я армия, 3-я и 4-я танковые армии, кавкорпус. Превосходство в силах окажется у советских войск подавляющим: двойным — в людях, троекратным — в танках, артиллерии и авиации. Операция на окружение при этом не планировалась: разгром орловской группировки предполагалось осуществить нанесением четырех рассекающих ударов. Позитивным моментом было то, что основная масса предназначенных для проведения Орловской операции войск (за исключением армий Центрального фронта) в «Курской мясорубке» не участвовала и в течение трех месяцев целенаправленно готовилась к реализации подробно разработанного плана наступления.

С подготовкой наступления на белгородско-харьковском направлении дело обстояло иначе. Замысел этой операции был сформулирован Ставкой ВГК и Генштабом тогда же, когда и Орловской, — в апреле–мае 1943-го. Но, в отличие от нее, лишь в общих

чертах: «Воронежскому фронту… измотать и обескровить противника, после чего во взаимодействии со Степным и правым крылом Юго-Западного фронта перейти в контрнаступление и завершить разгром противника в районе Белгород–Харьков» [13, с. 32]. Роль Степного фронта виделась при этом не такой, какой окажется в августе 1943-го. По первоначальному замыслу, при переходе в контрнаступление он должен был не выстраиваться в одну линию с Воронежским фронтом и вести параллельное наступление, а наращивать силу удара из глубины, то есть развивать первоначальный успех армий Ватутина. Ввести в прорыв на важнейшем направлении не корпус или армию, а целый фронт (пять-семь армий, включая танковую!) — такого в практике Великой Отечественной еще не было! Удар был бы для противника сокрушительным и изменил бы весь ход войны.

С каких позиций это должно было произойти, с какими задачами по срокам, этапам и рубежам продвижения — остается неизвестным. Все крупные советские военачальники, имевшие непосредственное отношение к планированию и проведению названных фронтовых и стратегических операций (зам. Верховного Главнокомандующего Г.К. Жуков, начальник Генштаба А.М. Василевский, командующий войсками Степного фронта И.С. Конев, его начштаба М.В. Захаров и др.), дружно, как один, не поведали об этом после войны ни слова. Остается предполагать, что конкретного, детально проработанного плана действий на этом направлении, сходного по тщательности подготовки с орловским, у советского командования не было. И не только в апреле, но и позже — как минимум, до 20-х чисел июля.

То, что его войскам придется действовать не на каком-то из двух возможных направлений, а лишь на южном (белгородско-харьковском), Коневу было ясно еще весной, до начала битвы: «Сталин рекомендовал мне побывать на Воронежском фронте, чтобы быть в курсе обстановки, знать направления возможных ударов противника. И я неоднократно выезжал к генералу Н.Ф. Ватутину. Несколько раз был в Курске, на обоянском направлении, на стыке с Юго-Западным фронтом» [19, с. 14]. В июле, в ходе отражения мощных ударов немцев, в этом уже и сомнений не было: «Я побывал на правом крыле Воронежского фронта, в районе Курска и в самом городе» [19, с. 18]. На юге оно и произойдет. Но не так, как это уже несколько месяцев мыслили себе Конев и генералы его штаба. Война внесет в их планы свои коррективы…

В оборонительных боях, развернувшихся с 5 июля 1943 года на Курской дуге, войска Центрального и Воронежского фронтов сумели остановить наступление врага. Хотя и по-разному.

На Центральном, обладавшем бóльшим оборонительным потенциалом, грамотно спланированной, выстроенной и проведенной обороной, немцам за неделю ожесточенных боев удалось вклиниться на глубину 12 километров. Не более! К исходу 11 июля их ударная группировка потеряла 22 тысячи человек, выдохлась и увязла в полосе тактической обороны советских войск. Потери остановивших их армий К.К. Рокоссовского были сопоставимо невелики: 33 897 человек (15 336 убитыми, пленными и умершими от ран, 18 561 ранеными) [28, с. 285]. Резервов Ставки фронт не получал — обошелся своими силами. 12 июля в долгожданное наступление на

Орел перешли войска Западного и Брянского фронтов, 15-го к ним присоединился и Центральный. Полководческая звезда К.К. Рокоссовского засияла новыми, далеко не последними гранями (впереди будут освобождение Белоруссии и Польши, форсирование Одера, Парад Победы в Москве, погоны Маршала и две Золотые Звезды Героя Советского Союза).

На Воронежском фронте все было дольше и сложнее. Против войск генерала Н.Ф. Ватутина было всё: ошибка Ставки в определении сил вражеских группировок и меньший оборонительный потенциал фронта, просчеты в организации обороны и задержка с проведением упреждающей контрартподготовки, настойчивость немцев и фанатичное упорство наступавшего на острие удара 2-го танкового корпуса СС, горячность и стремление самого Ватутина как можно быстрее перейти в наступление и добиться ощутимых и громких успехов. Сражение под Курском было для него шансом реабилитации за неудачи в предыдущей, февральско–мартовской «битве за Донбасс и Харьков».

И вновь все складывалось не лучше. В первый же день немецкого наступления танковый корпус СС сумел прорваться в глубину Воронежского фронта на 12 километров (на севере Курской дуги враг прошел это расстояние за неделю!), во второй — на 20, взломав два армейских рубежа обороны. К этому моменту в сражение были введены все резервы фронта. Ситуация оказалась на грани критической и могла стать таковой, если бы не быстрая реакция Москвы. Ставка тут же бросила на усиление Воронежского фронта танковые корпуса, а затем и целые армии, изъятые у И.С. Конева: 27-ю, 5-ю гвардейскую и 5-ю гвардейскую танковую, 53-ю…

Через пять дней в составе Степного фронта останется три армии из семи — мощь стратегического резерва и эшелона развития успехов таяла на глазах. Горечь несбывшихся надежд Конев будет помнить всю оставшуюся жизнь:

«Для достижения решительных целей операции стратегические резервы следует вводить в действие массированно и на важнейшем направлении театра военных действий. В оборонительный же период Курской битвы они использовались по частям и не для активных действий, а главным образом для усиления войск Воронежского фронта. Это привело к ослаблению Степного фронта, организационно объединявшего стратегические резервы.

Командование Степного фронта выступило в то время против такого способа использования стратегических резервов, обратившись в Ставку с категорическим возражением против «раздергивания» фронта по частям и предложив использовать Степной фронт в полном составе для перехода в контрнаступление, но, к сожалению, Ставка не согласилась с этим предложением» [19, с. 22].

И согласиться не могла, ибо другого выхода в те дни не было. Не отрицал этого и Конев: «Именно благодаря вводу войск Степного фронта в период оборонительного сражения удалось сорвать наступление противника и отбросить его ударные группировки в исходное положение» [19, с. 22].

Продвинувшись на юге до 35 километров, немцы утратили наступательный порыв и втянулись в упорные бои за отдельные высоты, остатки полусожженных хуторов и деревень. Операция «Цитадель» выдохлась. 13 июля Гитлер принял решение о ее

прекращении. В ночь на 17-е немцы начали отвод танковых подразделений и тылов в направлении Белгорода и Томаровки, утром 17-го — отход главных сил на исходные позиции. Вслед за ними двинулись и войска Воронежского и Степного фронтов. Потери группы армий «Юг» составили за время операции от 21 тысячи (по немецким данным) до 44 тысяч (по данным современных российских историков) солдат и офицеров. Воронежскому фронту бои 5–23 июля обошлись в 73 892 человека (27 542 убитых, умерших от ран и пропавших без вести, 46 350 раненых). «Раздерганному» Степному — в 70 058 (27 452 и 42 606 соответственно) [28, с. 285].

К исходу 23 июля обе стороны заняли свои прежние позиции. Советские, перепаханные за две недели до этого снарядами, бомбами и гусеницами танков, пришлось сразу же основательно восстанавливать. И «своими» позиции были не для всех: часть бывшей полосы Воронежского фронта на стыке с Юго-Западным занял Степной фронт. Мечты о его эффектном вводе в прорыв остались в прошлом. Некогда «ударный» фронт стоял теперь в общей боевой линии, и состав войск был у И.С. Конева уже принципиально иным [7] (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Боевой состав войск Степного военного округа (на 1.07.1943) и Степного фронта (на 1.08.1943)

Наименование объединений и соединений	Количество	
	на 1 июля 1943 г.	на 1 августа 1943 г.
Армии:		
общевойсковые	5	3
танковые	1	–
воздушные	1	1
Стрелковые войска и кавалерия		
Корпуса:		
стрелковые	7	5
кавалерийские	3	–
Дивизии:		
стрелковые	27	22
воздушно-десантные	5	–
кавалерийские	9	–
Бронетанковые и механизированные войска		
Корпуса:		
танковые	4	–
механизированные	4	1
Отдельные танковые бригады	1	3
Полки:		
отдельные танковые	4	6
самоходно-артиллерийские	1	2
мотоциклетные	1	–
Отдельные мотоциклетные батальоны	1	–
Отдельные дивизионы бронепоездов	–	2

Артиллерия РВГК, армейская и корпусная		
Дивизии: артиллерийские прорыва зенитные артиллерийские	 – 7	 1 4
Бригады: отдельные артиллерийские истребительно-противотанковые	 – –	 1 3
Полки: отдельные артиллерийские отдельные истребительно-противотанковые гвардейские минометные отдельные минометные зенитно-артиллерийские	 1 11 6 4 –	 5 10 4 4 5
Инженерные войска		
Инженерные бригады	2	4
Инженерные батальоны	14	12
Понтонно-мостовые батальоны	3	3
Военно-воздушные силы		
Авиационные корпуса: смешанные бомбардировочные штурмовые истребительные	 2 – – 2	 – 1 1 3
Авиационные дивизии: бомбардировочные штурмовые истребительные	 1 2 6	 2 1 7
Отдельные авиационные полки	2	–
Разведывательные авиационные полки	1	1

Численность войск фронта к началу операции составила 404,6 тысячи человек. Их усилили артиллерией для прорыва вражеской обороны, огневого сопровождения пехоты и борьбы с танками врага. Добавили авиации для воздушного прикрытия. Подбросили саперов для разминирования местности, восстановления дорог, мостов, организации переправ.

Об остальном И.С. Конев мог лишь сожалеть:

• Вместо пяти свежих общевойсковых армий для ведения активных наступательных действий в его распоряжении были всего три, понесшие потери в июльских боях: 7-я гвардейская (командующий — генерал-лейтенант М.С. Шумилов), 69-я (генерал-лейтенант В.Д. Крючёнкин) и 53-я (генерал-лейтенант И.М. Манагаров). Наибольшие опасения вызывала 69-я (по иронии судьбы, именно ей суждено будет с боем брать 5 августа Белгород, а 23 августа — первой ворваться в Харьков!). К началу наступления ее дивизии оставались малочисленными даже после получения пополнений:

93-я гвардейская стрелковая — 3 396 чел.

94-я гвардейская стрелковая — 4 261 чел.

89-я гвардейская стрелковая — 5 887 чел.

107-я стрелковая — 4 762 чел.

183-я стрелковая — 3 461 чел.

305-я стрелковая — 6 367 чел.

375-я стрелковая — 4 941 чел.

В наиболее пополненных 89-й гвардейской, 305-й и 375-й стрелковых до половины людей оставалось невооруженными — для них банально не хватало винтовок. (См. Документ 23)

• Вместо танковой армии и восьми отдельных танковых и механизированных корпусов для совершения глубоких прорывов, выхода на оперативный простор, быстрых обходов, охватов и отражения вражеских контрударов фронт имел один-единственный 1-й механизированный корпус генерал-лейтенанта танковых войск М.Д. Соломатина…

• Из трех гвардейских кавалерийских корпусов для создания маневренных конно-механизированных групп и преследования отступающего противника — ни одного…

Воронежский фронт выглядел на этом фоне гораздо внушительнее: пять, затем — семь общевойсковых армий (5-я и 6-я гвардейские, 27-я, 38-я, 40-я, к которым добавятся 4-я гвардейская и 47-я), две танковые армии (1-я и 5-я гвардейская), 32 стрелковые дивизии, 8 танковых и 3 механизированных корпуса, 2 отдельные танковые бригады, 7 отдельных танковых и 5 самоходно-артиллерийских полков, 2 артиллерийских дивизии прорыва и гвардейская минометная дивизия, 27 истребительно-противотанковых и 10 минометных полков, 12 полков «катюш» и т.д. [7]. Численность войск фронта — 739,4 тысячи человек.

В сумме оба фронта имели к началу наступления 1 миллион 114 тысяч человек личного состава, свыше 13 тысяч орудий и минометов, почти 900 установок реактивной артиллерии, 2 672 танка и самоходных орудий, 1 522 боевых самолета. Противостоящая им группировка гитлеровцев (4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф») была заметно слабее и насчитывала не более 300 тысяч человек, 3,5 тысячи орудий и минометов, до 600 танков и штурмовых орудий (боеспособных и находившихся в ремонте), 900 самолетов.

Таблица 3

Количество боеспособных танков и штурмовых орудий вермахта на Белгородско-Харьковском направлении (на 2.08.1843)

Наименование соединений	Танки							Штурм. орудия	Всего
	T-II	T-III	T-IV	T-V	T-VI	Огне-метные	Коман-дирские		
6 тд	1	10	11	–	–	3	3	–	28
7 тд	–	42	22	–	–	–	–	–	64
11 тд	–	34	24	–	–	–	–	24	82
19 тд	–	17	28	–	–	–	4	–	49
10 тбр	–	–	–	21	–	–	–	–	21
503 батальон тяжелых танков	–	–	–	–	8	–	–	–	8
228 дивизион штурмовых орудий	–	–	–	–	–	–	–	27	27
905 дивизион штурмовых орудий	–	–	–	–	–	–	–	21	21
393 батарея штурмовых орудий	–	–	–	–	–	–	–	6	6
Итого	**1**	**103**	**85**	**21**	**8**	**3**	**7**	**78**	**306**

Четырехкратное превосходство в людях, артиллерии и бронетехнике вселяло уверенность в том, что советские воины не просто разгромят, а затопчут, разорвут минами и снарядами на куски, вдавят землю ненавистных захватчиков и принесут, наконец, окончательное освобождение исстрадавшимся жителям оккупированных областей Левобережной Украины. Так ли это будет — покажут бои…

Непросто было и с планом новой наступательной операции.

Мнение Ставки, Генштаба и командования фронтов было однозначным: ударный порыв вражеских группировок исчерпан, войска противника выдохлись и перешли к обороне. А значит, наступил момент для начала наступления против соединений немецкой группы армий «Юг» фельдмаршала Эриха фон Манштейна — 4-й танковой армии генерал-полковника Германа Гота и оперативной группы «Кемпф» генерала Вернера Кемпфа, оборонявшихся, соответственно, на ахтырском и белгородско-харьковском направлениях. Расчеты внушали оптимизм: гитлеровцы понесли на Курской дуге немалые потери; кроме того, с фронта снимаются, отправляясь на донбасско-ростовское направление, наиболее сильные, элитные, танково-гренадерские дивизии 2-го танкового корпуса СС. Предполагалось, что лишенный резервов немецкий фронт не выдержит массированного удара советских танков и общевойсковых соединений, рассыплется и покатится по Левобережной Украине до самого Днепра. А возможно, не сможет закрепиться и на этом ключевом водном рубеже…

Исходя из этого, Ставкой Верховного Главнокомандования, совместно с Генштабом Красной Армии и при участии командующих двух фронтов: Воронежского (генерал армии Н.Ф. Ватутин) и Степного (генерал-полковник И.С. Конев) — была задумана Белгородско-Харьковская наступательная операция с кодовым названием «Полководец Румянцев». Основной ее задачей было не только освобождение Белгорода и Харькова, но и разгром всей 4-й танковой армии вермахта и оперативной группы «Кемпф». Такова официальная версия событий августа 1943 года.

Историки любят акцентировать внимание на том, что для решения этой задачи здесь, как и под Орлом, не предусматривалось окружать всю немецкую группировку, что потребовало бы значительно больше времени и сил для ее блокирования и последующего уничтожения. Вместо этого, методом нанесения ряда массированных фронтальных ударов, планировалось рассечь группировку на части и уничтожать их по отдельности.

Тем самым командование отказывалось от «наполеоновских» планов Н.Ф. Ватутина: «За окружение немецко-фашистских войск, оборонявшихся в районе Белгорода и Харькова, первым, пожалуй, высказался командующий Воронежским фронтом. Сторонники такой точки зрения нашлись, конечно, и в Генеральном штабе. Но в целом Генштаб придерживался иного взгляда… Окружение и последующая ликвидация белгородско-харьковской группировки немцев надолго приковали бы к себе большое количество наших войск, отвлекли их от наступления на Днепр и тем самым облегчили бы неприятелю возможность создания новой сильной обороны по правому берегу

Днепра» [33, с. 171]. Отвергли и инициативы командарма-40 генерала К.С. Москаленко, предлагавшего основной удар Воронежского фронта нанести в полосе его армии в направлении на Ахтырку, Полтаву: «По моему мнению, это позволило бы нам охватить с запада всю белгородско-харьковскую группировку противника и во взаимодействии с войсками Степного и Юго-Западного фронтов окружить и уничтожить ее, т.е. повторить Сталинград в еще более крупном масштабе… Внимательно выслушав меня, Г.К. Жуков ответил так:

– Сейчас у фронта не хватит сил для предлагаемого глубокого охвата и окружения противника. Поэтому Верховный Главнокомандующий приказал бить врага по голове, т.е. по его главным силам. А где они? Как известно, под Белгородом. Там и ударим» [21].

Именно эту стратегию будет реализовывать Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, координировавший с 13 июля действия Воронежского и Степного фронтов. Правда, воплощать ее придется в не совсем чистом виде. Принципиальных моментов окажется несколько.

1) План Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции начнут разрабатывать не за три месяца до ее начала, как Орловской, а лишь с конца июля, исходя из сложившейся к тому времени обстановки и дислокации войск. И делать это будут вопреки общепринятой методике стратегического и оперативного планирования.

Как и когда разработали план? Популярный российский историк А.В. Исаев, анализируя «Полководец Румянцев», об этом просто умолчал [15]. По мнению других, «окончательный вариант плана был утвержден 22 июля 1943 года» [5, с. 475]. Позволим не согласиться! 22 июля утверждать было нечего — о плане операции тогда лишь впервые заговорили: «В этот день представителем Ставки Верховного Главнокомандования Маршалом Советского Союза тов. Жуковым в штабе Воронежского фронта было проведено совещание по вопросам подготовки к предстоящему наступлению» [6, с. 64]. Г.К. Жуков, И.С. Конев, М.В. Захаров и другие участники событий об этой дате даже не вспоминали. Для них принципиальное значение имел совершенно иной план Белгородско-Харьковской операции — тот, что за их подписями был отправлен на утверждение в Ставку 6 августа 1943 года. ШЕСТОГО АВГУСТА — НА ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ НАСТУПЛЕНИЯ! Именно в нем были определены четкие задачи фронтов, последовательность их выполнения, этапы развития операции и направления движения армий. По нему будут действовать войска в следующие две с лишним недели. Первоначальный же план операции касался лишь ее замысла и… прорыва полосы тактической обороны немцев. Не преодолей ее советские войска — не понадобился бы и документ от 6 августа. До этой даты плана операции, как такового, просто не существовало!

Об этом после войны старались помалкивать. Не вспоминают и сейчас, хотя секрет полишинеля был выдан полвека назад, и не кем-нибудь, а человеком осведомленным — генералом армии С.М. Штеменко (с мая 1943-го — начальником Оперативного управления Генштаба РККА): «О каком-либо едином рукописном или графическом документе с планом операции «Полководец Румянцев» мне ничего не

известно. Его не было. Ставка и Генеральный штаб понимали под этим условным названием не документ, а совместные действия войск Воронежского, Степного и отчасти Юго-Западного фронтов в августе 1943 года, объединенные общей целью и единым руководством. Целью действий был разгром противника в районе Белгорода и Харькова, после чего перед советскими войсками открывался путь к Днепру, появлялась возможность захватить там переправы и воспрепятствовать отходу противника из Донбасса… 1 августа Г.К. Жуков прибыл в Москву, согласовал с И.В. Сталиным основные положения плана, после чего фронты сразу же поставили задачи армиям, и операция началась» [33, с. 172].

2) Подготовка к операции будет недолгой — не более десяти суток. В лучшем положении окажутся при этом «старожилы» исходных оборонительных позиций — 38-я и 40-я армии правого крыла Воронежского фронта и 57-я армия Юго-Западного, в худшем — «новички», 53-я и 69-я армии Степного. Оно и понятно: «Вводимые в контрнаступление войска Степного фронта не имели заранее полностью отработанного плана действий. Находясь в резерве Ставки, они не могли еще знать конкретных задач, исходных районов для контрнаступления и противника, против которого должны будут действовать» [13, с. 61-63].

3) По-настоящему «рассекающих» ударов в ходе операции будет… всего один. Зато какой! Совместными усилиями фронтов — Воронежского (5-я гвардейская, 1-я танковая, 5-я гвардейская танковая армии) и Степного (53-я армия, 1-й механизированный корпус) в глубину немецкой обороны будет вбит клин. Впервые в практике Великой Отечественной войны в прорыв будут введены сразу две танковые армии (1-я ТА и 5-я гвардейская ТА). И не где-нибудь, а в самом уязвимом для врага месте — на стыке 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф». По темпам и срокам план был непрост: за трое суток предполагалось выйти к магистральной трассе Харьков–Полтава и перехватить ее, отрезав гитлеровцам пути отхода на запад. Удар танкистов будет успешным, пока в их армиях не иссякнет наступательный потенциал и необходимое для этого количество техники и огневых средств, а самим армиям не придется выполнять одновременно и другие задачи.

4) Общего окружения белгородско-харьковской группировки немцев не будет. Вместо этого войска Степного фронта, по приказу своего командующего, с санкции Г.К. Жукова, раз за разом будут пытаться осуществить менее масштабные операции на окружение важнейших городов вместе с оборонявшими их вражескими группировками: сначала — Белгорода, затем — Харькова. И успеха в этом не добьются ни разу.

5) В ходе планирования советским командованием будут допущены просчеты в принятии решений о сосредоточении и распределении войск — особенно на направлениях, вошедших в название операции. Силы и упорство противника явно недооценят, собственные возможности — переоценят. В ходе боев это станет очевидным, но озвучено будет лишь после войны: «Все говорило о том, что здесь предстоят тяжелые сражения, особенно для войск Степного фронта, вынужденного в силу обстановки наступать на хорошо укрепленный белгородский оборонительный район» [13, с. 62]. В июле 1943-го думали, к сожалению, иначе. Для быстрого и убедительного разгро-

ма белгородской, а затем и харьковской группировок врага Степному фронту не хватит сил, ударной мощи и мобильности. Бои на большинстве направлений и участков очень скоро примут затяжной и ожесточенный характер — операция растянется по срокам вдвое и целей достигнет лишь частично.

Не спали в те дни и в немецких штабах.

Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Э. фон Манштейн также считал, что войска Красной Армии на южном фасе Курской дуги измотаны июльским наступлением танковых соединений вермахта и в ближайшее время не смогут провести на этом участке серьезных наступательных операций. Такая уверенность позволила ему снять с фронта севернее Харькова дивизии 2-го танкового корпуса СС и использовать их для контрударов в Донецком бассейне и на реке Миус. Именно там, с достижением перелома на Курской дуге, советское командование развернуло одновременно две наступательные операции:

- 200-тысячная группировка Юго-Западного фронта генерал-полковника Р.Я. Малиновского (1-я, 3-я, 8-я гвардейские армии) проводила Изюм-Барвенковскую операцию (17–27 июля 1943 года);
- 270-тысячная группировка Южного фронта генерал-полковника Ф.И. Толбухина (2-я гвардейская, 5-я ударная, 28-я и 51-я армии) наступала на реке Миус (17 июля — 2 августа 1943 года).

Разветвленная сеть транспортных коммуникаций позволяла немцам достаточно быстро оперировать танковыми и моторизованными соединениями, и после восстановления фронта в Донбассе эти дивизии планировалось вернуть под Харьков. Однако возвращаться танково-гренадерским дивизиям СС придется тогда, когда танковые армии Воронежского фронта уже глубоко врежутся в немецкую оборону и остановить их будет трудно. Не сможет пресечь переброску вражеских танков и советское командование. Разведывательная авиация зафиксирует передвижение немецких войск, но приказ о нанесении ударов по их танковым эшелонам поступит лишь 5 августа, а крупные силы бомбардировщиков и штурмовиков начнут действовать только 7-го и попадут по «хвостам» уходящих эсэсовских колонн…

По прошествии десятилетий станет очевидным, что в штабах вермахта и Красной Армии не представляли в то время в полной мере реальные боевые возможности и силы противника. Обе стороны находились, в какой-то степени, «в плену иллюзий». Цена ошибок будет для каждого своей: для немцев — окончательный (и не в их пользу!) перелом в общем ходе войны, потеря ключевых пунктов и важных территорий на Востоке, для Красной Армии — тысячи жизней советских солдат и офицеров и, как итог, невыполнение основной задачи по уничтожению вражеской группировки под Харьковом.

«ПОЛКОВОДЕЦ РУМЯНЦЕВ»

(3–23 августа 1943 года)

Хронология и общий ход Белгородско-Харьковской операции (3–23 августа 1943 года) известны каждому, кто на разных этапах жизни прикоснулся к истории Курской битвы — в книгах, фильмах, документах, воспоминаниях участников и очевидцев. Региональные историки, краеведы, исследователи боевого пути воинских частей и соединений осведомлены об этих событиях, зачастую, подробнее, но в привязке к истории областей, районов, населенных пунктов, армий, дивизий, бригад и полков. Некоторые могут рассказывать об этом часами, углубляясь в описание боев за отдельные улицы, хутора и высоты. Охватить весь объем такой информации в одном исследовании невозможно.

Мы остановимся на важнейших моментах сражения, полыхавшего в августе 1943 года на просторах Восточной Украины. Многое сохранилось в боевых приказах, донесениях войск и отчетах штабов, но так и не попало на страницы официальной истории, в воспоминания и мемуары. Вчитавшись и осознав прочитанное, можно понять, почему…

Начало Белгородско-Харьковской операции было удачным. Успех взлома переднего края обороны гитлеровцев обеспечила беспрецедентная концентрация огневой мощи советских войск: «Впервые в истории Великой Отечественной войны плотность артиллерии на участках прорыва армий превышала 200 орудий, минометов и боевых машин реактивной артиллерии на 1 км фронта» [25, с. 238-239] (в ноябре 1942-го, в наступлении под Сталинградом, она достигала лишь ста стволов). В 6-й гвардейской армии плотность артиллерии была доведена до 230, в 5-й гвардейской — до 260 стволов на километр фронта.

3 августа 1943 года советские армии первого эшелона были подняты по тревоге в 4 часа утра. То, что произошло дальше, в горячем репортаже с места боев красочно описал очевидец — корреспондент «Комсомольской правды» Юрий Жуков, находившийся на позициях и КП 5-й гвардейской армии генерал-лейтенанта А.С. Жадова. С того же НП наблюдал за прорывом вражеской обороны и вводом в бой танковых армий Маршал Советского Союза Г.К. Жуков.

«Когда часовая стрелка касается цифры 5, землю разом сотрясает неистовый грохот, словно где-то рядом разразилось извержение вулкана. Земля дрожит, и дрожание это явственно чувствуется на десятки километров. Одновременно бьют по врагу тысячи орудий, сосредоточенных на ограниченном участке, и в грохоте этом тонут все звуки. Так проходит час. Еще час. Еще сорок пять минут. Артиллерийская подготовка достигает небывалой силы. Над линиями немецких укреплений встает сплошная плотная пелена дыма и пыли. Там все перемешано с грязью. А снаряды летят и летят, довершая разгром всего того, что немецкие саперы строили на протяжении многих месяцев. Кажется, достигнут предел напряжения. Но вот грохот становится еще сильнее — к реву орудий примешивается вой гвардейских минометов, и стрельба приобретает еще более учащенный темп.

7 часов 50 минут. В небе проплывают сотни самолетов. Рева моторов не слышно — все заглушает артиллерия… Пикируя на немецкие окопы, они сбрасывают бомбы, ведут пушечно-пулеметный огонь. А сзади идут новые и новые эскадрильи и полки

наших самолетов. Вначале немецкая зенитная артиллерия пытается прикрыть свой рубеж, но потом замолкает. Немецких самолетов в воздухе совсем нет. Вот — господство в воздухе в классическом его выражении!

7 часов 55 минут. По всему фронту поднимаются тысячи красноармейцев и с громким криком «ура» устремляются вперед… Немецкие минометы, выжившие в огненном аду, начинают яростно бить по гребню, преграждая путь гвардейцам, но они стремительным броском преодолевают смертельный рубеж и скрываются за холмами.

8 часов 40 минут. Грохот канонады ослабевает. Несведущему наблюдателю может показаться, что наступает затишье. На деле — обратное. Именно теперь кипение битвы достигает высшей точки — пехота ворвалась на вражеские рубежи и ведет тяжелую, трудную боевую работу, расчищая их метр за метром, чтобы потом пропустить вперед танки, уже накопившиеся у переправы» [14, с. 377-380].

Дивизии 5-й и 6-й гвардейских армий Воронежского фронта действовали на участках шириной всего 2–3 километра, были усилены значительным количеством танков (до 70 единиц на километр фронта) и уже к середине дня почти полностью прорвали главную полосу обороны врага, продвинувшись вперед на 3–5 километров. В 13 часов, для сохранения темпа и завершения прорыва, в бой были введены обе танковые армии — 1-я (генерал-лейтенант танковых войск М.Е. Катуков) и 5-я гвардейская (генерал-лейтенант танковых войск П.А. Ротмистров). Более тысячи танков двигалось одновременно по 5-километровому коридору четырьмя корпусными колоннами. «За всю войну еще никто из нас не видел такого скопления советских танков на столь узком участке фронта», — вспоминал потом Катуков. Передовые бригады завершили прорыв тактической обороны немцев и начали развивать успех в глубину. К исходу дня 1-я ТА продвинулась на 12 километров, перерезав дорогу Томаровка–Белгород, 5-я гвардейская ТА прошла 26 километров, 1-й мехкорпус Степного фронта — 15, стрелковые дивизии — до 7–12 километров.

4 августа армия Катукова продвинулась на юго-запад еще на 20 км. А наступавших на юг танкистов Ротмистрова и пехоту 53-й армии немцы встретили контратаками с участием танков и батарей штурмовых орудий. На важнейших направлениях действовали роты «тигров». Остановить наступление советских войск им было не по силам, а притормозить — случалось. «Темпы продвижения наших войск снизились, — констатировал комфронта И.С. Конев. — Все наши попытки зайти с фланга, чтобы нанести обходный удар по врагу, не удавались» [19, с. 31]. Его 69-я армия прорвала в этот день второй и третий рубежи обороны севернее Белгорода, 7-я гвардейская — форсировала на нескольких участках Северский Донец и начала подходить к Белгороду с востока. Полностью выполнить приказ об отсечении и окружении белгородской группировки гитлеровцев войска Степного фронта не смогли.

5 августа на участке шириной 26 километров перешли в наступление 27-я и 40-я армии Воронежского фронта. 5-я и 6-я гвардейские армии смогли наконец-то окружить обойденный танкистами еще в самом начале наступления узел сопротивления в Томаровке (она будет взята на следующий день). 69-я армия освободила Белгород — наиболее отличившиеся в боях 89-я гвардейская, 305-я стрелковая дивизии и 23-й гвардейский бомбардировочный полк получили почетное наименование «Белгород-

ских». В городе к тому времени оставалось всего полторы сотни жителей [4, с. 157], а на стенах руин болтались немецкие объявления недельной давности:

«1. В целях безопасности гражданского населения город Белгород эвакуируется. Население будет отправлено в тыл.

2. Начало эвакуации — 29.7.1943 г., утром.

3. Отправка будет проведена по железной дороге. Населению разрешается брать с собой наиболее ценное движимое имущество. Дальнейшие указания будут выданы комендатурой. Все приказания должны быть беспрекословно исполнены. За неисполнение приказания виновные будут строго наказаны» [14, с. 386].

Действия в оперативной глубине вела 1-я ТА Катукова, прошедшая за сутки еще 15 километров на юго-запад — с открытыми флангами, без отставшей пехоты и воздушного прикрытия. Наступление в таких условиях всегда чревато риском, но танкисты продолжали выполнять приказ и главный замысел операции. В тот же день танки Ротмистрова вышли на территорию Золочевского и Дергачевского районов Харьковской области. В планах, отчетах, донесениях и сводках на смену белгородскому направлению пришло харьковское.

Утром 6 августа передовой отряд 18-то танкового корпуса 5-й гвардейской ТА (комкор — полковник А.В. Егоров) вышел к райцентру Золочев, в 35 километрах к северу от Харькова. Четыре «тридцатьчетверки» 181-й танковой бригады подполковника В.А. Пузырева ворвались на окраину райцентра и, пользуясь замешательством врага, давили его грузовики и подводы, жгли цистерны с горючим, в упор расстреливали танки, тягачи и пехоту гитлеровцев. После ранения Пузырева командование группой принял замначштаба бригады капитан Я.П. Вергун, танк которого также был подбит [17, с. 327-328]. Совинформбюро поспешило объявить об освобождении Золочева и находившейся к востоку от него станции Казачья Лопань, хотя бои в них продолжались до исхода 8 августа. (В Золочеве споры о дате освобождения не утихают до сих пор: официально — 8-го, но патриоты горой стоят за 6-е!)

В боях 6–8 августа под Золочевом советские танкисты столкнулись с контратаками 3-й танковой дивизии и «тиграми» 503-го батальона тяжелых танков, понеся большие потери: 74 боевые машины были потеряны безвозвратно, 83 — подбиты и повреждены. Всего же, начиная с 3 и по 11 августа, 5-я гвардейская ТА лишилась 254 танков — половины того, что имела к началу наступления (30 июля в ней насчитывалось 503 танка и 40 САУ [12]).

6 августа Г.К. Жуков, И.С. Конев и М.В. Захаров отправили на утверждение в Москву, в Ставку ВГК, впервые изложенный на бумаге план развития операции на белгородско-харьковском направлении (См. Документ 3).

Осуществить ее предлагалось в два этапа: на первом — захватить выгодные для наступления и взятия Харькова рубежи, на втором — провести уже собственно Харьковскую операцию. Для этого трем армиям Степного фронта (53-й, 69-й и 7-й гвардейской) придавались на флангах наступления еще две — 57-я (с 8 августа, из состава Юго-Западного фронта) и 5-я гвардейская ТА (с 9 августа, из состава Воронежского).

Сроки проведения операции не указывались. Предельными рубежами продвижения к концу Харьковского этапа значились:

• для левого фланга Воронежского фронта (27-я, 5-я гвардейская армии) — Отрада, Коломак, Снежков Кут;

• для 1-й танковой армии — Ковяги, Мерефа;

• для Степного фронта — Снежков Кут, Минковка, Просяное и Новоселовка (южнее Новой Водолаги) до смыкания с Юго-Западным фронтом;

• для Юго-Западного фронта — Охочее, Верхний Бишкин, Гиевка.

Заметим, что ни один из указанных пунктов к концу Харьковского этапа, а равно и к моменту завершения Белгородско-Харьковской операции и всей Курской битвы (23 августа 1943 года) достигнут и взят не будет. Советские войска освободят их позже — в период между 5 и 16 сентября, в ходе совершенно иных операций…

Честный С.М. Штеменко упомянуть о запоздалом плане не забудет: «Фактически операция началась 3 августа, но только 5 и 6 числа, когда уже были освобождены Томаровка, Александровка и Белгород, представитель Ставки вместе с командующими Воронежским и Степным фронтами доложил Верховному Главнокомандующему уточненные планы наступления по каждому фронту отдельно. Ставка утвердила их 6 и 8 августа. Это, собственно, и стало документальной основой плана операции «Полководец Румянцев» [33, с. 173-174].

К 7 августа Воронежский фронт ликвидировал Борисовскую группировку немцев и вышел на рубеж Поповка–Славгородок–Великая Писаревка. В тот же день 6-й танковый корпус 1-й ТА (комкор — генерал-майор А.Л. Гетман) силами 22-й, 200-й танковых бригад и 1461-го самоходно-артиллерийского полка освободил Богодухов, перерезав важные для противника автомобильную и железную дороги Сумы–Харьков.

Продвинувшись в глубину немецкой обороны на 70–100 км, танковые армии Воронежского фронта оторвались от стрелковых соединений на 25–40 км. В дальнейшем им предписывалось идти на юг и в районе населенных пунктов Ковяги, Валки перерезать железнодорожные и шоссейные пути, связывавшие Полтаву и Харьков, а достигнув Новой Водолаги — прервать пути отхода из Харькова на Красноград. Брешь в немецкой обороне между 4-й танковой армией и оперативной группой «Кемпф» достигла ширины 55 км, что позволяло рассчитывать на освобождение Полтавы и выход к Днепру. Эта задача ставилась 27-й армии генерал-лейтенанта С.Г. Трофименко, наступавшей на полтавском направлении.

Степной фронт И.С. Конева готовился тем временем к финальному аккорду операции — решительным боям по взятию Харькова и разгрому харьковской группировки немцев. Сроки поджимали, а условия были не самыми подходящими. По завершении операции на них будут указывать неоднократно:

«Противник совершал свой отход планомерно и организованно, методами подвижной обороны. Прикрываясь усиленными отрядами, он отводил свои главные силы на заблаговременно подготовленные оборонительные рубежи, которые, [наряду] с наличием естественных препятствий, дополнялись инженерно-техническим оборудованием, особенно минированием. Таких рубежей на подступах к городу Харьков было три…

Понеся значительные потери в живой силе и технике, противник не потерял стойкости в боях, за исключением отдельных групп солдат. Суровая воинская дисциплина поддерживала на требуемом уровне политико-моральное состояние солдат. В обстановке тяжелых боев они показали значительную боеспособность и активность, не снижавшуюся до последнего дня борьбы за Харьков» (См. Документ 23).

(Сегодня такие формулировки сочли бы непатриотичными. Но в ТО время офицерам оперативных отделов и отделений изучения опыта войны было не до политеса: от их выводов зависело дальнейшее обучение войск и совершенствование приемов и методов разгрома врага).

Дали оценку и состоянию «наших»: «Имели далеко не полное вооружение и укомплектованность в людском составе, но были боеспособны и готовы выполнять поставленную задачу по овладению г. Харьков» (См. Документ 23).

10 августа 1943 года командующий Степным фронтом И.С. Конев именно эту задачу перед армиями и поставил (в первый и, как окажется, не в последний раз):

«1. Противник пытается на отдельных неподготовленных, но тактически выгодных для него рубежах задержать наше наступление на подступах к Харькову.

2. Армиям фронта ставлю задачу: окружить и уничтожить харьковскую группировку противника и занять Харьков.

3. Во исполнение этой задачи приказываю:

В 9.00 11 августа 1943 г. армиям фронта перейти в решительное наступление…» (См. Документ 12).

Задачи армий отличались от тех, что были доложены в Москву четырьмя днями ранее. 5-я гвардейская ТА должна была наступать на Пересечную–Люботин и выйти к концу дня в район Буды–Коротыч–Огульцы, отрезав немцам пути отхода на запад. 53-я армия — выйти на фронт Пересечная–западная окраина Харькова и перерезать дороги, также ведущие на запад. 1-й мехкорпус — продвинуться в район Гавриловки. 69-я армия должна была пробиться на северную окраину Харькова, 7-я гвардейская — на восточную и юго-восточную, 57-я — достичь южной окраины, бросив вперед танковые бригады с десантом автоматчиков для перехвата дорог, ведущих из Харькова на юг.

Упор делался на массированный огонь артиллерии (4234 орудия и минomета с преимуществом над противником 6,5:1). Авиация 5-й воздушной армии нацеливалась только на поддержку 5-й гвардейской ТА и 53-й армии к западу от Харькова. В течение светового дня предполагалось прорвать его внешний оборонительный обвод (рубеж круговой обороны в 8–14 километрах от города по линии Куряжанка¬–Дергачи–Черкасская Лозовая–Циркуны–Кутузовка–Лосево–Лялюки–Васищево–Южный–Коротыч, при этом все названные пункты находились в руках гитлеровцев) и выйти на всех участках к внутреннему обводу обороны, сооруженному на окраинах.

Ключевую фразу приказа («окружить… уничтожить… занять…») мы выделили не случайно. Ибо не просматриваются в нем послевоенные пассажи И.С. Конева: «10 августа мною была отдана директива на овладение Харьковом. Основная ее идея состояла в том, чтобы оборонявшуюся в районе Харькова группировку противника разгромить на подступах к Харькову, в поле. Мы отчетливо представляли, что борьба

в городе, который так тщательно подготовлен к обороне, потребует от войск очень больших усилий, будет чревата значительными потерями личного состава и может принять затяжной характер. Кроме того, бои в городе могли привести к ненужным потерям среди гражданского населения, а также к разрушениям жилых зданий и уцелевших промышленных предприятий» [19, с. 36]. То, что в приказе и намека на это нет, может увидеть каждый (См. Документ 12). Но легенды об августовском гуманизме полководцев циркулируют в Харькове до сих пор — ими обывателям объясняют задержку с освобождением города («Не хотел-де Конев лишних потерь, потому со взятием Харькова и тянул…» Если бы так!).

Очевидно иное: при круговом отходе к городу и перекрытых путях отступления фронт обороны немцев неуклонно сжимался, а плотность боевых порядков росла. В каком «поле» Жуков и Конев хотели их разгромить? Что собирались делать с зажатой в Харькове крупной армейской группировкой врага (39-, 106-, 168-, 198-, 282-, 320-й пехотными дивизиями и несколькими десятками танков 6-й танковой)? Неизвестно. Не думали же, в самом деле, что «закупоренные» в городе гитлеровцы сдадутся, да еще и без боя? Ждать, когда оккупанты съедят в Харькове всю «картоплю», начнут варить воро́н и грызть стебли подсолнечника, летом 1943-го никто бы не стал. Штурм города был неминуем (и ожидать его следовало сразу после выхода к окраинам — 12 августа).

11 августа, несмотря на ожесточенные бои, приказ об овладении Харьковом остался невыполненным на всех участках. Немцы упорно отстаивали промежуточные позиции и узлы сопротивления на подступах к внешнему оборонительному обводу Харькова. К ночи 53-я, 69-я и 7-я гвардейская армии смогли — нет, не прорвать! — а лишь вплотную подойти к злополучному внешнему обводу. 57-я армия освободила Чугуев, но к обводу не смогла даже приблизиться. А от ударной мощи двух танковых армий осталась четверть первоначального состава: в 1-й ТА — 268 танков (197 Т-34 и 71 Т-70), в 5-й гвардейской ТА — 106 танков в строю (88 Т-34 и 18 Т-70) [12].

12 и 13 августа армии Степного фронта прорвали, наконец-то, внешний обвод и «на ряде участков подошли вплотную к городскому обводу» [19, с. 38], а местами (на второстепенных участках) — незначительно вклинились в него. До боев на окраинах Харькова дело не дошло! (Те, кто сегодня продолжают повторять заимствованные у мемуаристов и историков прошлого фразы о том, что «12 и 13 августа войска Степного фронта… завязали бои на окраинах Харькова» [15, с. 413], выдают желаемое за действительное или просто не знают города — не только прежнего, но и нынешнего. Ведь новостройки заметно разросшегося после войны Харькова не приблизились к этим «окраинам» даже сейчас, 70 лет спустя!)

Штаб Конева пытался в эти дни не время гуманно тянуть, а активизировать действия войск грозными приказами о взятии Харькова:

12 августа: «Противник продолжает свои попытки удерживать подступы к г. Харькову, усиливая свои позиции отдельными наспех переброшенными частями. Войска задачу дня 12 августа не выполнили. Приказываю: Командармам поставленную армиям задачу моим приказом № 00550/ОП выполнить 13 августа… Требую от командармов организации боя 13 августа и проявления решительности в выполнении задачи.

Командиры полков, дивизий и корпусов обязаны лично наблюдать поле боя и руководить войсками…» [10, с. 297].

15 августа: «Противник в прежней группировке пытается упорно сдерживать наше наступление непосредственно на подступах к Харькову. Армиям Степного фронта ставлю задачу: 17 августа 1943 г. прорвать оборону противника и ударом на флангах окружить и уничтожить харьковскую группировку и занять г. Харьков…» [10, с. 302].

Вместо стремительного прорыва в город и завершения всей операции, армиям Конева пришлось добрый десяток дней медленно и упорно «прогрызать» немецкую оборону, охватывая Харьков с севера, запада и востока. Продвинуться к югу от города и замкнуть вражескую группировку в кольцо не удавалось ни 57-й армии, ни 7-й гвардейской. Прижимаемые к Харькову гитлеровцы не сдавались — отвечали яростными контратаками, цепляясь за каждый овраг, перелесок и канаву.

Четыре с небольшим километра голых, хорошо простреливаемых полей, отделявших город с востока от села Лосево (район нынешнего стадиона ХТЗ, бульвара Богдана Хмельницкого и улицы Маршала Рыбалко), советские танки и пехота преодолевали десять дней — с 13 по 23 августа. Хотя танкисты были опытные: вышедшая сюда 179-я отдельная танковая бригада пятью месяцами ранее уже воевала в этих местах и в марте 1943-го выходила из окружения в районе ХТЗ. Ее командир, полковник Ф.Н. Рудкин, был удостоен за мартовские бои звания Героя Советского Союза, ушел на повышение и воевал в те дни под Орлом. Новый комбриг — полковник Виктор Тутушкин с горечью видел, как в ежедневных бесплодных атаках под Лосево, сражаясь до последнего, горели танки (его танки!). Из пылавших «тридцатьчетверок» спастись в те дни удавалось одному-двум человекам, легкие Т-70 гибли со всем экипажем (См. Документ ___). Суточное продвижение (если оно было) исчислялось не километрами, а лишь сотнями метров отвоеванной пригородной земли…

(В том и состоит горькая и жестокая правда августа 1943-го. Но потомкам уже давно — умышленно или по незнанию, но целенаправленно и систематически, используя всю мощь устного и печатного слова, а ныне — еще и глобальные возможности электронных информационных сетей, внушают иное: «Окружение Харькова с его развитой аэродромной и дорожной сетью могло стать большой ошибкой. Характерно, что при штурме Харькова Конев И.С. намеренно оставил пути отхода из города. Группировку планировалось добить в открытом поле» [www.ru.wikipedia.org, по состоянию на июль 2013 года]. Как бы ни так! Все приказы генерал-полковника И.С. Конева были не об этом и толкали войска к совершению той самой «ошибки»: «окружить и уничтожить». Не он «намеренно оставил» гитлеровцам «пути отхода из города», а упорное сопротивление врага не позволило советским войскам полностью реализовать план совершения обходов, охватов и нанесения фланговых ударов с целью скорейшего окружения Харькова.)

К десятым числам августа Белгородско-Харьковская операция окончательно превратилась в два сражения, кипевших по обе стороны советского танкового клина. Управляемые маршалом Г.К. Жуковым войска вели фактически две отдельные фронтовые операции, причем по разным сценариям. К востоку от клина армии Степ-

ного фронта медленно, но неуклонно двигались вперед, охватывая Харьков и ведя затяжные бои с оперативной группой «Кемпф» (16 августа она будет переименована в 8-ю немецкую армию). К западу от клина войска Воронежского фронта на ряде участков уже не наступали, а перешли к обороне, отражая контрудары 4-й танковой армии врага, угрозу которых «командование Воронежского фронта недооценило, даже, правильнее сказать, проглядело» [33, с. 176].

Штаб фельдмаршала Манштейна спешно стягивал войска к острию прорыва двух советских танковых армий, нацеленных на перехват стратегических ж.д. и автодороги Полтава — Харьков. Танкам он решил вновь противопоставить танки. Они же должны были остановить, рассеять и отбросить пехоту Воронежского фронта, не дав ей растечься по немецким тылам. На какое-то время это у гитлеровцев даже получилось.

Под Богодуховом танки Катукова еще 8 августа столкнулись с авангардами прибывшей из Донбасса дивизии СС «Дас Райх». 10 августа к ней добавилась дивизия СС «Мертвая голова». Вечером того же дня бригады 1-й ТА форсировали реку Мерчик и в 9 утра 11 августа ворвались в Высокополье и Ковяги, перерезав важные для немцев дороги Полтава–Харьков. Контратаки врага последовали незамедлительно: «Мертвая голова» (от Коломака) и «Дас Райх» (со стороны Валок) били под острие танкового клина, на Шаровку и Мурафу, бросая в бой по полку мотопехоты и 40-50 танков. Правее, на Крысино и Богодухов, наступала дивизия СС «Викинг».

Таблица 4

Количество боеспособных танков и штурмовых орудий в дивизиях войск СС под Богодуховом (к исходу 11.08.1943)

Наименование соединений	Танки					Штурмовые орудия	ВСЕГО
	Т-II	Т-III	Т-IV	Т-VI	Командирские		
«Дас Райх»	–	17	26	8	–	20	71
«Мертвая голова»	–	9	22	7	1	16	55
«Викинг»	2	30	10	–	1	5	48
Итого	**2**	**56**	**58**	**15**	**2**	**41**	**174**

К исходу 11 августа немцы прорвались в тыл Катукова. Его отрезанные бригады вынуждены были оставить только что отвоеванное: 1-я гвардейская танковая покинула Ковяги, а 200-я танковая и 6-я мотострелковая — Высокополье, прорвавшись на север. В целом, немцы отбросили 1-ю ТА на 20 км и сохранили за собой обе линии дорог.

Ситуацию с наступлением должна была исправить 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова. Утром 12 августа ее 18-й и 29-й танковые корпуса сосредоточились в районе Хрущевой Никитовки для броска вслед за воинами прославленного 32-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора А.И. Родимцева. Вместо этого — стали свидетелями контрудара дивизии СС «Мертвая голова» и 503-го батальона «тигров». Ротмистров вспоминал: «По дороге в бинокль наблюдаю безрадостную картину: немецкие танки наступают широкой лавой. Фашистская авиация бомбит нещадно. Наша пехота поспешно отходит и даже кое-где бежит» [29]. Не оставила

позиций лишь противотанковая артиллерия, прямой наводкой открывшая огонь по врагу. Танковые корпуса развернулись для отражения танков и мотопехоты, прикрыв две дивизии Родимцева. О наступлении пришлось забыть, более того — перейти к обороне и оставить Хрущевую Никитовку.

Именно тогда командующие двух фронтов: Конев и Ватутин — начали одновременно отдавать приказы командующему 5-й гвардейской танковой армией. Конев (которому эта армия была подчинена с 9 августа) требовал обходить Харьков с запада и наступать на Новую Водолагу, отклонившись от Богодухова влево, — этого требовала директива Ставки за подписью Сталина. А Ватутин (стык с которым эта армия должна была обеспечивать), наоборот, требовал поворота вправо для поддержки истекавшей кровью 1-й танковой армии Катукова. Атаковать всеми силами в направлении Водолаги, как того требовал Конев, Ротмистров не решился — отправил к ней лишь 5-й гвардейский Зимовниковский мехкорпус (численно он уже не превышал бригады — 25 Т-34 и 4 Т-70), опасаясь, что уход всех частей армии повлечет за собой взятие немцами Богодухова. Не успел корпус полностью переправиться через реку Мерчик, как последовал приказ Конева вернуться на исходные позиции и занять оборону.

Прорваться к Богодухову немцы не смогли — увязли в боевых порядках и контратаках 5-й и 6-й гвардейских армий и 5-й гвардейской ТА, перейдя утром 16 августа к обороне. Армии Ротмистрова бои 12–20 августа в районе Богодухова стоили потери 85 танков (63 Т-34 и 22 Т-70). В 1-й ТА Катукова в строю к 19 августа оставалось 139 танков (91 Т-34 и 48 Т-70, хотя неделей раньше их было вдвое больше — 197 «тридцатьчетверок» и 71Т-70).

На излёте боёв, 18 августа 1943 года, на КП под Богодуховом осколком вражеской мины был убит командир 31-го танкового корпуса 1-й ТА генерал-майор Дмитрий Хрисанфович Черниенко. Его похоронят в центре Богодухова вместе с командиром 112-й танковой бригады полковником Михаилом Трофимовичем Леоновым, погибшим 20 августа 1943 года под Ахтыркой.

(Памятник, воздвигнутый на их могиле после войны, в течение десятилетий будет венчать странная надпись:

«Здесь похоронен гвардии генерал-майор Дмитрий Хрисанфович Черниенко, погибший смертью храбрых за освобождение Советской Родины 8 августа 1943 г.

Полковник Леонов Михаил Трофимович. Погиб за освобождение г. Богодухова от немецких захватчиков 8 августа 1943 г.».

Богодухов вместо Ахтырки — куда ни шло, ладно, но даты?! Их, по простоте душевной, поменяли: то ли к освобождению Богодухова решили «привязать», то ли умышленно о жестоких, а главное — долгих боях перед освобождением Харькова вспоминать не хотели. В книгах потом так и писали: «В первый день боев (8 августа) героически погибли командир 31-го гвардейского (?) танкового корпуса Д.Х. Черниенко и полковник М.Т. Леонов» [8, с. 29].)

Под Ахтыркой встречные бои начались позже и продолжались с 18 по 22 августа. Контрударная группировка была здесь у немцев еще более мощной. Три танковые дивизии (7-я, 11-я, 19-я) и две моторизованные танково-гренадерские (10-я и «Великая Германия»), усиленные штурмовыми орудиями и 51-м отдельным батальоном

тяжелых танков, ударом от Ахтырки на Каплуновку пытались смять фронт наступающей 27-й советской армии, а далее идти строго на восток, на Богодухов, с выходом на автотрассу Ахтырка–Богодухов–Харьков. Вспомогательный удар южнее Ахтырки, на Колонтаев–Краснокутск–Богодухов, смыкаясь с основной ударной группой, наносила дивизия СС «Мертвая голова».

Таблица 5

Количество боеспособных танков и штурмовых орудий в соединениях вермахта под Ахтыркой (к исходу 18.08.1943)

Наименование соединений	Танки							Штурмовые орудия	ВСЕГО
	Т-II	Т-III	Т-IV	Т-V	Т-VI	Огнеметные	Командирские		
«Великая Германия»	–	7	20	5	8	4	4	22	70
7 тд	1	15	11	–	–	–	3	–	30

18 августа, в 8.30 утра, после артподготовки и мощных бомбовых ударов, гитлеровская группировка перешла в наступление. За день она продвинулась в полосе 27-й армии на 24 км и была готова идти дальше. Потери войск были велики. 20 августа на НП, осколком снаряда в висок, был убит командир 112-й танковой бригады полковник М.Т. Леонов…

Для нейтрализации прорыва и восстановления положения Воронежский фронт ввел в бой две резервные армии: 47-я (генерал-лейтенант П.П. Корзун) должна была вместе с 40-й нанести удар с севера во фланг и тыл контрударной группировки, а 4-я гвардейская (генерал-лейтенант Г.И. Кулик) — выдвинуться навстречу немцам и собою закрыть «дыру» в обороне, не допустив продвижения захватчиков к Богодухову.

Современные «танковеды» и «стратеги» любят живописать поединки гитлеровских «панцерваффе» и советских танкистов тех дней. А.В. Исаев, к примеру, в последних своих военно-исторических исследованиях упомянул в боях под Ахтыркой, казалось бы, всех: 1-ю танковую и 5-ю гвардейскую танковую армии, 3-й, 4-й, 5-й гвардейские танковые корпуса, 6-й, 10-й, 29-й, 31-й танковые корпуса, 3-й гвардейский и просто 3-й механизированные корпуса, бригады… [15, с. 408-413]. Номеров хватает. Но правда истории состоит в том, что первыми ударную группировку немцев у Каплуновки и Пархомовки Краснокутского района Харьковской области остановили и отбросили НЕ ОНИ, а бойцы и командиры 20-го гвардейского стрелкового корпуса 4-й гвардейской армии — 5-я, 7-я и 8-я гвардейские воздушно-десантные дивизии (названные Исаевым почему-то «стрелковыми» [15, с. 410]), усиленные одним-единственным 466-м минометным полком. И сделали это своими силами, своей кровью и героизмом — без танков, «катюш» и тяжелой артиллерии РГК!

На рубеж обороны к северо-востоку от Пархомовки и Каплуновки 20-й гвардейский корпус (авангард 4-й гвардейской армии) вышел 19 августа, между 15 и 16 часами. В 17.30, по приказу командарма, батальоны 8-й гвардейской воздушно-десантной дивизии поднялись из окопов и обрушились на ударную группировку гитлеровцев. 27-й гвардейский воздушно-десантный полк прорвал позиции дивизии «Великая Гер-

мания» и освободил совхоз «Ильичевка», 25-й полк ударил по 10-й моторизованной дивизии и занял совхоз «Осетняк». К исходу следующего дня десантники очистили от немцев Каплуновку. В ночь на 21 августа 29-й полк 7-й гвардейский воздушно-десантной дивизии овладел совхозом «Ударник» в 15 километрах юго-восточнее Ахтырки. Утром он был контратакован танками, самоходками, мотопехотой врага и несколько часов сражался в окружении. Командир полка майор Г.В. Кочетков погиб, в командование вступил комбат М.П. Тараканов. Когда танки ворвались в совхоз и оказались в 150-200 метрах от КП, личный состав штаба, рота автоматчиков и взвод разведки заняли круговую оборону. Учитывая тяжесть положения, решено было спасать Знамя полка. Из окружения его вынесли старший врач полка капитан медслужбы М.И. Медведева, старшина А.Д. Юрьев и два автоматчика [11, с. 50]. Потери полка, как и всего корпуса, были велики, но десантники удержали все занятые рубежи. Окончательный перелом внесло прибытие приданного армии 3-го гвардейского танкового корпуса (введен в бой 21 августа) и 21-го гвардейского стрелкового корпуса, 69-я и 80-я гвардейские стрелковые дивизии которого утром 22 августа перешли в наступление, освободив Пархомовку. За четыре дня 4-я гвардейская армия Г.И. Кулика продвинулась на 6–9 км и похоронила планы гитлеровцев прорваться к Богодухову.

Анализируя ход боев, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в докладе в Ставку 21 августа отметил: «Противник применяет следующую тактику оборонительных действий: свои танки он рассредоточил за пехотой и за противотанковой артиллерией и упрятал их в необстреливаемых местах. Против наших наступающих частей, главным образом против Кулика, противник действует артиллерийским, минометным огнем, авиацией, контратаками пехоты с группами танков по 20–30 штук. Он, видимо, хочет сберечь свои танки и выбить наши танки, а, затем, ослабив нас, попытаться перейти в наступление…». Тактика немцев напоминала его собственную стратегию и действия советских войск в начальный период Курской битвы.

В те же дни наступил перелом и в боях Степного фронта на ближних подступах к Харькову. Замыслов буксующего плана Г.К. Жуков и И.С. Конев не меняли — по-прежнему требовали от 53-й армии И.М. Манагарова обойти город с запада, а от 57-й армии А.Н. Гагена — с юго-востока, отрезав немцам все пути отхода. Ни то, ни другое в течение 11–17 августа сделать не удавалось.

57-я армия А.Н. Гагена, одна из самых слабых во фронте, доставшаяся Степному в наследство от Юго-Западного, застряла у внешнего оборонительного обвода юго-восточнее Харькова и не могла продвинуться к поселкам Васищево и Безлюдовка. Хотя люди сражались там насмерть, бросаясь (в прямом смысле слова) грудью на огневые точки врага. 16 августа под Васищево командир взвода 124-го гвардейского стрелкового полка 41-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии младший лейтенант С.Н. Орешков своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота, кинжальным пулеметным огнем косившего цепи советских бойцов. Фронтовая биография взводного оказалась короткой — четыре неполных месяца, но подвиг вошел в историю… Село Васищево советские войска 18 августа возьмут. Но одноименную железнодорожную станцию рядом с ним немцы будут удерживать до 22-го.

Аналогичным образом 53-я армия И.М. Манагарова никак не могла начать западный обходной маневр, увязнув в обороне гитлеровцев, оборудованной в густом лесном массиве в 8–9 километрах северо-западнее Харькова — под Дергачами и Полевой. Из-за этого у дивизий Манагарова не только к западу от города выйти не получалось — они даже на уровень северной окраины Харькова продвинуться не могли. Армия «главного удара», изначально усиленная для этого мехкорпусом, тремя танковыми и самоходно-артиллерийским полками, наступавшая, как полагали Г.К. Жуков и И.С. Конев, на «самом выгодном» для взятия Харькова направлении, день за днем не могла сдвинуться с места, упираясь в огрызавшийся огнем лес и хорошо укрепленные немцами высоты. Не получалось ни последних «фрицев» из Дергачей выбить (хотя радио объявило об освобождении поселка еще 13 августа, когда воины 28-й гвардейской стрелковой дивизии с боем ворвались на его северную окраину), ни выйти на давно прерванную в Богодухове дорогу Сумы–Харьков, ни освободить Ольшаны, Пересечную, Гавриловку, Солоницевку, ни, тем более, достичь проходивших еще южнее дорог Полтава–Харьков и расположенных на них Люботина, Коротыча и Песочина.

Переломить ситуацию штаб 53-й армии (не без участия И.С. Конева) решил ночной, хорошо подготовленной атакой. В час ночи 15 августа 400 орудий армейской, корпусной, дивизионной, полковой артиллерии и выдвинутые на прямую наводку танки обрушили на позиции гитлеровцев 10-минутный огневой налет, после чего лесной массив и прилегающие к нему высоты атаковали сразу три дивизии — 28-я гвардейская, 84-я и 299-я стрелковые. Вслед за ними в бой была введена 252-я стрелковая. Их батальоны вклинились в лес и медленно, не имея сплошного фронта и отражая контратаки врага, двинулись через него на юг. Танки в лес не входили — бригады 1-го мехкорпуса обошли его с запада.

Одновременно немцев выбивали и с командных высот на подступах к лесу. Особое внимание уделялось опорным пунктам в Полевой (ее планировали взять к 6.00 17 августа), поэтому на КП 299-й дивизии, севернее села, находился и сам командарм-53. Туда же прибыл и командующий фронтом Конев, на которого в эти дни непрерывно давили «сверху» — Жуков, Ставка и Сталин. Приехав, выдал Манагарову нагоняй. Было, за что! К Полевой полки вышли еще 13 августа, но сходу взять не смогли, зацепились за окраину — и всё: улицы были изрыты немецкими окопами, из домов велся бешенный пулеметный огонь, местность простреливалась насквозь. 14 августа 956-й и 958-й стрелковые полки, двигаясь в район сосредоточения для взятия Полевой, не успели укрыться в двух небольших рощах и подверглись массированной бомбежке «юнкерсов», понеся большие потери. В ходе последующего штурма тяжелое ранение получит командир 958-го полка подполковник Ефимов — в командование вступит начштаба Яценко.

В дивизии после этого полнокровным останется лишь 960-й стрелковый полк майора Сорокина — его бойцам суждено будет совершить подвиг на высоте 201,7 северо-западнее Полевой. В историю она войдет как «высота Петрищева» — по имени командира роты 960-го полка 299-й стрелковой дивизии старшего лейтенанта В.П. Петрищева, под руководством которого здесь был захвачен вражеский опорный

пункт, после чего бойцы сводной роты (16 человек) заняли круговую оборону и в течение дня отбили несколько контратак танков и пехоты врага. В критическую минуту боя Петрищев вызвал огонь артиллерии на себя и удержал высоту до подхода подкреплений. Так гласит официальная версия.

Но брала высоту не одна рота Петрищева (в ней до начала атаки было 80 человек), а весь 2-й батальон 960-го стрелкового полка. Комбат старший лейтенант Стратиевский (в «Книге Памяти Украины. Харьковская область», т. 18 — Статиенко Гавриил Кириллович, похоронен в Полевой [18, с. 359]) лично возглавил тогда атаку 4-й роты и был убит пулеметной очередью. Петрищев (в свои неполные 20 лет) среди ворвавшихся на высоту оказался старшим по званию и по должности, а его «рота» (16 солдат и офицеров) была остатком батальона, отчего и называлась впоследствии «сводной». Все остальное — правда. И то, как горстка бойцов в рукопашной схватке отчаянно выбивала ворвавшихся в траншею гитлеровцев. И как горела на высоте земля, подожженная немецкими огнеметами. И как в упор, с 40–50 метров, поняв, что у защитников нет адекватных противотанковых средств, по ним безнаказанно били вражеские танки и штурмовые орудия. И как у связиста, посланного комдивом для установления связи с высотой, не хватило телефонного провода, и он нарастил линию немецким, найденным в разбитых траншеях. Правда и то, что к моменту подхода подкреплений высоту защищали последние пять человек (а не четверо, как думают многие): старший лейтенант В.П. Петрищев, командир взвода младший лейтенант В.В. Женченко, помкомвзвода старший сержант Г.П. Поликанов, пулеметчик В.Е. Бреусов и… радист 958-го стрелкового полка ефрейтор И.М. Чехов [10, с.308, 311]. Четверо первых стали за этот бой Героями Советского Союза. Чехов получит Золотую Звезду позже, за форсирование Днепра. Представляя Василия Петрищева к званию Героя, командир 299-й дивизии генерал-майор Н.Г. Травников упомянул в наградном листе и о случае трусости, имевшем место на высоте. Бойцы сами уничтожили тогда этого человека, и Травников считал этот факт не позором, а свидетельством здоровых морально-политических настроений воинов, оказавшихся в труднейшей ситуации (а вот историки и мемуаристы об этом после войны даже заикнуться боялись).

В отличие от высот, трем дивизиям для установления контроля над лесом (5x9 км) понадобилось четверо суток: «К исходу 18 августа 1943 года лесной массив северо-западнее Харькова в основном был очищен от фашистских захватчиков, и упорные бои продолжились за населенные пункты Пересечное, Куряжанка и Гавриловка, южнее лесного массива и западнее Харькова» [10, с. 312]. Остаточные группы и одиночные гитлеровцы бродили по лесу еще несколько дней, обстреливая связистов, машины и мелкие подразделения, что было крайне неприятно, так как на южной опушке, на высоте 197,3 (позже она была названа «Высотой маршала Конева»), генерал И.М. Манагаров развернул свой НП и передовой узел связи 53-й армии. Харьков оттуда видно не было, но командарму это было и не нужно — задачи его армии были в те дни совершенно иными. Зато с НП открывался отличный вид на лежавшую в полутора километрах под горой автотрассу Харьков–Ольшаны–Богодухов–Сумы, на догоравшие на ней Солоницевку, Гавриловку, Пересечную и далее на юг — в направлении Люботина и Коротыча, куда и должны были наступать войска 53-й армии.

19 августа, после двух артналетов по обороне противника, дивизии 53-й армии, подтянув тылы, вновь двинулись на юг. 252-я стрелковая и 1-й мехкорпус ночной атакой вышли к поселку Пересечная и к рассвету 20 августа овладели им, сходу форсировав реку Уды. (На всем фронте наступления армии эта река тянулась позади населенных пунктов, расположенных на автодороге Харьков–Сумы). В ночь на 21 августа дивизия и мехкорпус вышли за рекой к полотну железной дороги, завязав бой за станцию Курортная, а одним полком прорвались к совхозу Коммунар.

28-я гвардейская и 84-я стрелковая дивизии освободили 20 августа село Гавриловка и к исходу дня также вышли к Удам, форсировав реку частью сил. Еще восточнее и ближе к Харькову 89-я гвардейская стрелковая дивизия отбила у немцев село Куряжанка (эта и 107-я стрелковая дивизии входили в состав 48-го стрелкового корпуса 69-й армии и вместе с ним были временно переданы 53-й армии Манагарова).

С этого дня давно задуманный «западный» обход Харькова стал, наконец, не планом, а реальностью. Для окончательного закрепления успеха его оставалось вовремя и надежно поддержать. Это и сделали.

20 августа, по распоряжению Г.К. Жукова, в связи с завершением боев по отражению немецкого контрудара под Богодуховом, в лесной массив южнее Полевой (тот самый, позади НП армии Манагарова, за который боролись четыре дня) началась переброска двух корпусов 5-й гвардейской танковой армии — 18-го танкового и 5-го гвардейского механизированного. (Еще один корпус, наиболее полноценный, 29-й танковый, был оставлен под Богодуховом, у села Сенное). Танкисты Ротмистрова вновь поступали в распоряжение Степного фронта и должны были усилить и ускорить обходное движение 53-й армии. Задача оставалась прежней (о ней наизусть помнили уже не только комдивы и комкоры, но и командиры полков, и даже комбаты): совместными усилиями 53-й и 5-й гвардейской танковой армий наступать на Коротыч, далее — на Бабаи, Буды, Люботин, с основной задачей — перерезать железную и шоссейную дороги Харьков–Полтава, отрезая противнику пути отхода на запад. В первом броске (от Пересечной, Гавриловки, Солоницевки до Люботина и Коротыча) им предстояло преодолеть всего 5 километров. Во втором (до Бабаев и Буд) — еще 5.

В тот же день 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус (комкор — генерал-майор Б.М. Скворцов) и передовой отряд 5-й гвардейской танковой армии, состоящий из 1-го гвардейского мотоциклетного полка, 689-го истребительно-противотанкового полка и 53-го гвардейского танкового полка, передали пехоте свои участки обороны под Богодуховом и ночью 20 августа перешли маршем в полосу наступления 53-й армии, сосредоточившись 21 августа к 10.00 у сел Семеновка и Полевое. К 14.00 они переместились на южную окраину Пересечной для начала атаки на Коротыч, с последующим выходом на Бабаи, Буды.

18-й танковый корпус полковника А.В. Егорова планировалось сосредоточить в том же районе, но из-за потери управления он был готов к атаке только в 16.00 21 августа. Дело в том, что командир одной из бригад был отстранен в это время от должности за невыполнение приказа, а командир второй бригады был под судом трибунала

за пребывание в тылу, в то время как вверенные ему войска должны были выполнять боевую задачу. К моменту перехода от села Малыжино к Пересечной в 18-й танковый корпус входили:

110-я танковая бригада: танков Т-34 — 23, Т-70 — 3, мотопехота — 88 человек, противотанковой артиллерии — 4 орудия, пулеметов ДШК — 9. Некомплект личного состава — 420 человек (из них 48 офицеров);

170-я танковая бригада: Т-34 — 19, Т-70 — 2, мотопехота — 58 человек, противотанковой артиллерии — 1 орудие (45-мм);

181-я танковая бригада: Т-34 — 8, Т-70 — 2, мотопехота — 1 (один!) человек, ДШК — 4. Некомплект личного состава — 420 человек (из них 48 офицеров);

32-я мотострелковая бригада: 1-й батальон с ПТО — 275 человек, артдивизион — 149 человек, минометный батальон — 128 человек, спецподразделения — 220 человек. Автотранспорта на ходу — 149 грузовых и специальных автомашин. 76-мм пушек — 7, 45-мм — 5, 20-мм — 3, ДШК — 5, ППШ — 628.

Помимо этого, в ремонтных подразделениях корпуса находились: Т-34 — 32, Т-70 — 5. Требовали капитального ремонта: Т-34 — 17, Т-70 — 8.

Безвозвратные потери корпуса с начала операции: Т-34 — 68, Т-70 — 18 [2, л. 205].

На участке наступления 18-му танковому корпусу противодействовали 15 танков противника в лесу у хутора Смородского, минометная батарея у совхоза Коммуна, тяжелая артбатарея в саду восточнее Песочина, минометная батарея на станции Куряж и в овраге северо-восточнее церкви в Песочине. Со стороны Харькова, из Липовой Рощи, вели огонь шестиствольные минометы.

Все мосты на р. Уды (неширокой, но с болотистой поймой) немцами были уничтожены. Поэтому командованием 53-й армии было принято решение организовать в полосе совместного наступления переправы для танков 5-й гвардейской ТА. Переправы, однако, оборудованы не были, более того, стрелковые части не подготовили даже плацдармов для их организации. Поэтому танкистам, при подходе к Удам, приходилось самим, под сильным артобстрелом, искать удобные для форсирования реки места и сходу вступать в бой.

По иронии судьбы, в тот же день (20 августа), на то же направление (к реке Уды, но на противоположном, «немецком» ее берегу), по прямому приказу фельдмаршала Манштейна из района Краснокутск–Качаловка начала перебрасываться танково-гренадерская дивизия СС «Дас Райх» (командир дивизии — группенфюрер СС Вальтер Крюгер). Она была призвана укрепить оборону 11-го армейского корпуса гитлеровцев, встав на пути 5-й гвардейской танковой и 53-й армий. Совершив 45-километровый марш, эсэсовцы прибыли под Коротыч. На 20 августа дивизия имела 34 боевых танка T-III, T-IV, T-VI «Тигр», 5 командирских, 20 штурмовых орудий StuG III, 15 самоходных противотанковых установок «Мардер» и 21 буксируемое противотанковое орудие [23, с. 25]. Несколько дней спустя ее силы значительно возрастут: в дивизию прибудет свежий батальон танков T-V «Пантера» — 71 боевая машина. Для танкистов П.А. Ротмистрова, Б.М. Скворцова, А.В. Егорова, М.Д. Соломатина и пехоты И.М. Манагарова это станет неприятным сюрпризом и труднопреодолимой преградой.

21 августа 5-я гвардейская танковая армия перешла в наступление, но сделала это крайне неудачно — по своей и чужой вине… Первым через Уды начал переправляться 53-й отдельный гвардейский танковый полк гвардии подполковника Торгало. Две «тридцатьчетверки» при переправе подорвались на минах, еще 15 — завязли в болоте. Из-за этого полк лишился половины машин и смог вывести в боевую линию не более 19 танков Т-34 и один Т-70 [2, л. 235]. За невыполнение приказа командир полка был отстранен от командования, но с учетом вины пехоты 53-й армии, не подготовившей переправ, был затем к командованию возвращен. (Докладывать «наверх» о большом количестве завязших на переправе танков командарм Ротмистров не решился. И позже, в донесениях, о них даже не вспоминал. Хотя вытаскивать их будут долго: к 27 августа завязшими в болоте оставались 9 танков, к утру 29 августа — 6).

В 17.00 началась атака опоздавшего 18-го танкового корпуса в районе станции Курортная (Берминводы). Но бой здесь вела лишь 170-я танковая бригада. 110-я бригада в 17.20 смогла перебросить за реку всего 3 танка Т-34 — еще две «тридцатьчетверки» завязли в болоте, а остальные переправиться не смогли. 181-я танковая бригада сосредоточилась в это время в роще юго-восточнее Пересечной, 32-я мотострелковая бригада — в двух километрах восточнее Пересечной. Противодействие корпусу оказывали 3 танка T-VI «тигр» и 3 — T-IV, располагавшиеся в 2,5 км севернее Коммуны; а в саду южнее Коммуны были выявлены дивизион немецкой противотанковой артиллерии и дивизион минометов [2, л. 223].

Преодолевая жесточайшее сопротивление немцев, 91 танк Т-34 и 8 Т-70 начали вести бой за Коротыч. Выйдя на его окраины, танкисты и мотопехота отбили несколько контратак. К концу дня в передовом отряде 5-й гвардейской танковой армии и 18-м танковом корпусе в строю остались 21 танк Т-34 и 3 танка Т-70. Многие боевые машины были подбиты, обездвижены и использовались как огневые точки. Мотопехота несла потери. К исходу дня части 18-го танкового корпуса вели бой на рубежах: 110-я тбр — на перекрестке дорог в 1,5 км юго-восточнее Пересечной, 170-я тбр — у платформы Курортная, 181-я тбр и 32-я мсбр — на линии железной дороги юго-западнее Пересечной. Задачи корпусу по-прежнему ставились невыполнимые: в течение ночи овладеть Коротычем и перерезать шоссе Люботин–Харьков [1, л. 217].

Командующий 5-й гвардейской танковой армией Ротмистров справедливо жаловался Коневу на отсутствие поддержки со стороны 53-й армии, которая, по его мнению, «окопалась в Пересечной и не делает оттуда ни шагу». Совместные действия двух армий не получались.

После очередного внушительного разноса от Конева, генерал-лейтенант Манагаров отправил своих солдат выручать танкистов. Но пехоте на Удах тоже пришлось несладко. Первым под артиллерийский огонь на переправе попал 201-й стрелковый полк 84-й стрелковой дивизии (значительная часть погибших этого полка числится пропавшими без вести). Следом двинулся 171-й стрелковый полк той же дивизии. Его ожидала та же участь. Уцелевшие солдаты и офицеры группами и поодиночке преодолевали открытую местность, простреливаемую немецкой артиллерией, и

укрывались за подбитыми танками, откуда уже ночью переходили к занявшим оборону танкистам.

(В документах читать об этом горько и обидно… Легче и приятнее обманываться лаком отредактированных фраз из воспоминаний первых лиц штаба Степного фронта. Маршал Советского Союза И.С. Конев: «Используя наведенные ночью переправы и проходы через железнодорожную насыпь и сосредоточив свои танки на южном берегу реки Уды, 5-я гвардейская танковая армия перешла в наступление и охватила группировку врага в районе Харькова с запада и юго-запада…» [19, с. 39]. Маршал Советского Союза М.В. Захаров: «Мы придавали особое значение форсированию этой реки. Вскоре наши инженеры построили переправы для 5-й гвардейской танковой армии, которая 22 августа перешла в наступление и к вечеру этого же дня захватила Коротич…» [10, с. 242]. В августе 1943-го все было не так гладко.)

Видя, что продвижение основной группы войск в направлении Люботина и Коротыча не превышает за день одного-полутора километров, командование 5-й гвардейской ТА решило перехитрить немцев. Решение использовали нестандартное: силами мобильной подвижной группы нанести неожиданный удар восточнее места основных боев, ближе к Харькову, и перерезать, наконец, злополучные пути отхода из города на юг! Именно этого уже которую неделю требовали Ставка, ее представитель Г.К. Жуков и штаб Степного фронта.

В ночь с 21 на 22 августа в направлении Покотиловки был отправлен сводный отряд танков, мотопехоты и противотанковой артиллерии под командованием лучших командиров с задачей перерезать шоссе Харьков–Мерефа–Красноград. Отряд сумел выйти к шоссе, оборудовал там оборонительные позиции, но был весь уничтожен гитлеровцами, так как действовал в полном отрыве от своих войск и поддержки не получил… По первоначальному приказу, эту операцию должен был выполнять весь передовой отряд 5-й гвардейской ТА: 1-й отдельный гвардейский Краснознаменный мотоциклетный, 53-й отдельный гвардейский танковый и 689-й истребительно-противотанковый полки — в этом составе рейдовая группа была бы намного мощнее, и немцам вряд ли удалось бы быстро с ней справиться. Но обстоятельства изменились: к 24.00 основной части передового отряда поручили вместе с 5-м гвардейским механизированным и 18-м танковым корпусами ночью овладеть Коротычем. «Ночью» и «совместно» не получилось: 5-й гвардейский мехкорпус всю ночь вел переправу через Уды и закончил ее только к 6.00 22 августа. Задача корпуса была далеко идущей: ударом на Коротыч–Бабаи, обойдя Коротыч с востока (брать поселок в задачи корпуса не входило), овладеть Бабаями (на той же, трижды проклятой в те дни трассе Харьков–Мерефа–Красноград) и окружить харьковскую группировку с юга. Тем самым корпус должен был стать поддержкой ушедшему к Покотиловке сводному отряду — помощью, которой там так и не дождутся…

22 августа, в 8.00, переправившийся 5-й гвардейский мехкорпус был введен в бой. Атака захлебнулась быстро, у совхоза Коммунар, где в лесу находился опорный пункт немцев с сильной противотанковой артиллерией и танками. Кроме того, продвижению препятствовали опорные пункты на высотах севернее и северо-западнее

Коротыча. Из-за них все попытки корпуса пробиться к Коротычу и Коммунару вели к большим потерям. Обойти поселок с востока и придти на помощь гибнущему у Покотиловки сводному отряду танкисты генерал-майора Б.М. Скворцова не смогли…

53-я армия действовала в этот день вновь не совместно с 5-й гвардейской танковой, а преимущественно на ее флангах, сражаясь за железнодорожные станции («станции» — громко сказано) Шпаковка, Куряж, Пóдворки и разъезд Пóдворки. При этом 89-я гвардейская стрелковая дивизия левым флангом заняла Пóдворки, а основными силами вышла на узком участке к дороге Харьков–Полтава, нацелившись на Песочин.

Собственная ударная сила 53-й армии — 1-й мехкорпус был нацелен… легко догадаться, куда: на главную цель наступления армии — Коротыч и Люботин. О действиях корпуса поведал его командир — генерала М.Д. Соломатин:

«21 августа командующий 53-й армией приказал механизированному корпусу, продвигавшемуся от Пересечной в западном направлении, повернуть фронт наступления на юг, овладеть районом Люботина, Коротича и отрезать пути отхода противнику на запад. Перегруппировка корпуса проводилась под огнем противника, который продолжал занимать высоты западнее Пересечной. Это сильно затрудняло перемещение войск.

Три дня мы ожесточенно дрались с фашистами, выдвинувшими против нас мощный танковый заслон. Особенно прочно враг занимал высоты севернее станций Люботин, Коротич. На этом рубеже гитлеровцы сосредоточили большое количество огнеметов. Но, несмотря на сильное сопротивление врага, к утру 22 августа бригады корпуса вышли к шоссе Харьков — станция Люботин. Дальше продвинуться мы не смогли. Правда, одной танковой роте все же удалось прорваться в Коротич. Однако остальные силы не успели своевременно использовать этот успех, и танковая рота оказалась в очень тяжелом положении. Она сражалась в тылу врага, пока не были выведены из строя все танки» [10, с. 367-368].

В 18-м танковом корпусе 110-я танковая бригада вышла утром восемью Т-34 к хутору Шпаки, где вела бой с немецкими танками, а 181-я танковая и 32-я мотострелковая бригады заняли позицию у станции Шпаковка для атаки на Коротыч и Коммунар. Саму станцию, где находился НП штаба корпуса, немцы с 7-ми утра неоднократно контратаковали из района Люботина танками и пехотой, пытаясь ударить во фланг. Из лощины северо-восточнее Козаровки действовали 4 танка «тигр» и до полутора батальонов пехоты, с северного ската высоты 182,6 — еще 5 танков (из них 3 «тигра»), 2 штурмовых орудия и полтора батальона пехоты. Атакам немцев здесь, помимо танкистов, противостояли мотоциклетный батальон и истребительно-противотанковый батальон 1-го отдельного гвардейского мотоциклетного полка, прикрывавшего правый фланг 5-й гвардейской ТА. В противотанковом батальоне насчитывалось 30 противотанковых 45-мм пушек с автомашинами «Виллис». За день они отразили три контратаки, уничтожив 135 солдат и офицеров и одну автомашину врага [2, л. 232]. По танкам и самоходкам, открывавшим огонь с дистанции в километр и более, бить из «сорокапяток» было бесполезно. Собственные потери составили 64 человека убитыми и ранеными, два танка Т-34, одну 45-мм пушку и две автомашины «Виллис». Еще две пушки с «Виллисами» подорвались на минах, один «Виллис» подо-

рвался на мине без орудия [2, л. 234]. Сил и огневых возможностей мотоциклетного полка для отражения контратак было мало. Поэтому штаб 5-й гвардейской танковой армии приказал 5-му гвардейскому мехкорпусу и 18-му танковому иметь на своих правых флангах орудия ПТО и дивизионы 85-мм артиллерии.

В 10.00, перегруппировавшись после утренних неудач, 5-й гвардейский механизированный и 18-й танковый корпуса пытались перейти в атаку ближе к линии железной дороги на Рай-Еленовку и Березовое. В 14.00 они эту попытку повторят. Обе атака были неудачны. 18-й танковый корпус не мог продвинуться к югу от Коммунара и высоты 123,1 из-за плотного артогня, который противник вел из района курганов у хутора Надточий. В довершение всего, прямым попаданием снаряда в НП 5-го гвардейского мехкорпуса в 1 километре северо-восточнее Пересечной был убит (точнее — смертельно ранен) заместитель командира 5-го гвардейского мехкорпуса генерал-майор Михаил Петрович Лебедь [1, с. 212] (его похоронят в Белгороде).

В 13.50 оба корпуса получили новую задачу: временно прекратить попытки прорыва на Бабаи, вместо этого — пробиться к северной окраине Коротыча, куда под огнем (скорее всего, ползком) просочилась и засела в садах пехота 53-й армии. К 19.00 остатки 18-го танкового и 5-го мехкорпусов вышли к северной окраине Коротыча, захватили ее и пытались пробиться далее, но понесли потери и вынуждены были остановиться. (Так что не правы современные российские историки и их лидер А.В. Исаев, утверждая, что «к исходу дня город был в руках советских войск» [15, с. 415]. Не был! И не «город» Коротыч вовсе — поселок. Хотя бои за него развернулись нешуточные и продолжались ровно неделю.)

Вечером того же дня последовал очередной приказ 5-й гвардейской ТА: выдвинуть вперед сводный отряд и овладеть Покотиловкой и Бабаями. 1-й гвардейский мотоциклетный полк получил задачу вести разведку в сторону поселка Буды. На деле, уцелевшим частям танковой армии не пришлось никуда наступать, так как немцы при поддержке артиллерии и авиации постоянно их контратаковали.

Причиной затяжных боев, медленного продвижения и значительных потерь была эшелонированная противотанковая оборона, организованная немцами на высотах вокруг Коротыча. Она была усилена 88-мм зенитными орудиями и подвижными группами танков. При необходимости они перебрасывались с одного участка на другой, создавая видимость присутствия значительных сил на всех направлениях. По воспоминаниям командира 11-го немецкого корпуса генерала Рауса, в первый же день наступления 5-й гвардейской танковой армии им удалось подбить более сотни советских танков, что почти соответствует истине. Анализируя и суммируя данные из донесений бригад, дивизий и корпусов, штабы 5-й гвардейской танковой и 53-й армий получали, в итоге, информацию о десятках, а то и сотнях вражеских танков, действовавших на всех участках. Помимо этого, немцы активно использовали авиацию и бомбили позиции танкистов группами самолетов численностью до 60 машин. Прикрывавшая Степной фронт 5-я воздушная армия также была нацелена в эти дни на поддержку наземных войск и, докладывая об уничтожении живой силы и техники врага, рапортовала лишь о 4-х сбитых самолетах противника.

В определенном смысле и по сути, 21 и 22 августа танкисты вели бои в окружении — не прямом, но буквальном. Переправа через Уды постоянно простреливалась артиллерией и минометами врага, переброска подкреплений и отремонтированных танков, подвоз боеприпасов и продовольствия, эвакуация раненых осуществлялись ценой многочисленных потерь. В контратаках немцы активно использовали огнеметные танки, от действий которых сгорало все живое на значительных площадях. Обугленных советских солдат невозможно было потом опознать — в сводках боевых потерь они числятся пропавшими без вести.

Заметно, что задачи танковой армии в течение дня неоднократно менялись. Происходило это не по прихоти П.А. Ротмистрова и не из-за неразберихи в его штабе — с этим у танкистов все было в порядке. Коррективы вносились «сверху» — штабом Степного фронта, и очень быстро. Оно и понятно! Оперативная группа штаба фронта во главе с командующим, генерал-полковником И.С. Коневым, находилась 22 августа всего в нескольких километрах от передовой — на НП командующего 53-й армией И.М. Манагарова, на высоте 197,3. Той самой, что называется ныне «Высотой маршала Конева».

Харьковчан трех послевоенных поколений уверяли в том, что легендарный И.С. Конев смотрел с этой высоты на Харьков, наблюдая в бинокль (или стереотрубу) пылающие окраины Холодной Горы, Залютино, Новой Баварии, и непосредственно руководил оттуда штурмом города. Как же иначе? Об этом рассказывал находившийся рядом с командующим начальник связи 53-й армии генерал Д.Г. Макаренко (и не он один!): «В течение ночи на 23 августа 1943 года мы с высоты 197,3 наблюдали ожесточенный бой в районе поселка Октябрь и Холодной Горы…» [10, с. 314]. Увы! Ни один из названных районов города (а равно и другие, с их многочисленными белыми, желтыми и оранжевыми послевоенными многоэтажками и элитными небоскребами) с «Высоты Конева» не видно! Даже с крыши открытого там в 2005 году музея! А ведь Конев с биноклем не на вышке под обстрелом сидел, а в замаскированных, надежно вкопанных в землю блиндажах, НП и щелях, от которых следа не осталось. Сам он, рассказывая о тех днях, вспоминал, впрочем, не только эту, но и другую высоту в том же лесном массиве: «С высоты 208,6 и с опушки леса открывался вид на город» [19, с. 39]. Разочаруем доверчивых, но и оттуда увидеть заметно подросший Харьков невозможно…

В действительности, с высоты 197,3 будущий маршал наблюдал не за этим. Он видел то, что хотел и считал наиболее важным для Степного фронта и всего хода боев по освобождению Харькова, — прорыв немецкой обороны в направлении Коммунар–Коротыч–Люботин. Именно оттуда исходила угроза действий немецких дивизий СС, в особенности — оперировавшей за Удами дивизии СС «Дас Райх». Разгромить и уничтожить ее в те месяцы пытались неоднократно: в обороне на юге Курской дуги и на фланге боев под Прохоровкой, на реке Миус и под Богодуховом. Тщетно! Упорства эсэсовцам было не занимать, а техника у них была битой, чиненной, но новых и модернизированных образцов: танки T-VIH «Тигр», длинноствольные T-III, T-IV, штурмовые орудия, самоходные гаубицы, самоходные ПТО «Мардер», буксируемые

ПТО. В огневых поединках они превосходили боевые возможности орудий советской артиллерии и танков.

Тем, кто не помнит, напомним (см. Таблицу 6).

Таблица 6

Тактико-технические характеристики немецких танковых и противотанковых пушек

Калибр, мм	Тип танка, штурмового орудия, ПТО	Длина ствола, калибров	Вес снаряда, кг	Начальная скорость снаряда, м/сек	Пробиваемость брони (мм) противотанковым снарядом при угле встречи 60° на дистанции, м			
					500	1000	1500	2000
50	T-III	60	Бронебойный 2,06	823	68-75	52		
			Подкалиберный 0,9	1198	115			
75	T-IV, «Мардер», Pak40	48	Бронебойный 6,8	740-790	91-95	80-90	60-70	50-63
			Подкалиберный 4,1	990		110		
75	T-V	70	Бронебойный 6,8	925	129	111	99	88
			Подкалиберный 4,2	1120		160		
88	T-VI H	56	Бронебойный 10,2	773-810	115	110	91	84
			Подкалиберный 7,3	930		160		
88	«Насхорн» «Элефант» Pak43	71	Бронебойный 10,2	1000	180-185	165	148	132
			Подкалиберный 7,3	1130		200		

Максимальная толщина брони советских «тридцатьчетверок» (лоб корпуса и башня) составляла тогда, соответственно, 60 и 70 мм, у легких Т-70 — всего 45 и 35. И пушки на них были скромнее:

Калибр, мм,	Тип танка	Длина ствола, калибров	Вес снаряда, кг	Начальная скорость снаряда, м/сек	Пробиваемость брони (мм) противотанковым снарядом при угле встречи 60° на дистанции, м			
					500	1000	1500	2000
45	Т-70М	46	Бронебойный 1,4	760	60	47	37	30
			Подкалиберный 0,8	970	82	–	–	–
76,2	Т-34/76	41,2	Бронебойный 6,3	662	69	61	54	48
			Подкалиберный 3,0	965	92	52	–	–

Никто гитлеровцев не хвалит и техникой захватчиков не восхищается. Но цифры — вещь упрямая. И факт остается фактом: в 1943-м с перевооружением бронетанковых войск Красной Армии опоздали — новые Т-34/85 (именно они массово «летают» по полям Курской битвы в художественном послевоенном кино) начнут поступать в войска в 1944 году, уже за Днепром. Тем большего уважения заслуживает подвиг советских танкистов! «Только тот, кто сам слышал рев «тигра» и грохот его дьявольской пушки, в состоянии до конца понять, какое напряжение всех душевных сил потребовалось советским людям для того, чтобы так искусно решить свою боевую задачу» [14,

с. 275]. Не будем голословными. Приведем записанный фронтовым корреспондентом Юрием Жуковым рассказ непосредственного участника тех схваток — лейтенанта Григория Бражникова, на счету которого было несколько подбитых и уничтоженных «тигров»:

«Мы разговорились. Бражников оказался славным, бойким на язык, но в то же время скромным парнем. К своим результатам он относился, как к чему-то совершенно естественному, а потом по секрету признался, что они для него самого оказались неожиданными — честно говоря, ему, как и некоторым другим танкистам, в первые дни боев показалось, что «тигр» — и впрямь почти неуязвимая машина.

– Трудней всего было заставить себя принять первый бой с «тигром», а страшнее всего — когда первые снаряды его не взяли…

…Впереди, в четырехстах метрах, медленно пятясь, вползал в сад, чтобы замаскироваться в нем, тяжелый, неповоротливый «тигр».

– Бронебойным заряжай, — скомандовал Бражников и медленно-медленно, стараясь работать как можно точнее, навел орудие на ходовую часть «тигра». Он был уверен в себе, но где-то внутри копошилось суеверное чувство: а вдруг «тигр» и в самом деле неуязвим? Выстрел… Снаряд ударил как будто бы точно по цели, но «тигр» продолжал ползти.

Сердце Бражникова ёкнуло, но он опять скомандовал тем же четким голосом:

– Бронебойным заряжай!..

Второй снаряд тоже как будто попал в цель, угодив ближе к корме, но проклятый «тигр» полз все дальше. Теперь он отвечал огнем вслепую, развернув свою громоздкую башню, — машина Бражникова маневрировала в садах, и обнаружить ее командиру «тигра» не удавалось. В третий раз прозвучала команда:

– Бронебойным заряжай!..

Бражников заметил, что башенный стрелок был бледен, и подумал, что и сам он, наверное, выглядит не лучше, но пушку навел с той же тщательностью. На этот раз зловещая игра оборвалась. Над «тигром» взметнулся огненный столб, и механик Филиппов вскрикнул ломким, срывающимся от радости голосом: «Горит!»

Только тут Бражников отшатнулся к стенке башни, перевел дух и провел рукою по мокрому, грязному лбу, словно отгоняя страшное наваждение.

Так было выиграно первое мгновение. Бражников до сих пор убежден, что это был его последний шанс: после третьего выстрела «тигр» наверняка обнаружил бы его машину, а 88-миллиметровый снаряд «тигра», пущенный с дистанции 400 метров, для танка Т-34 смертелен» [14, с. 347-351]. В этих словах — жестокая правда лета 1943-го…

Болезненным остается и другой вопрос: «Танковые армии, корпуса, бригады и полки непрерывно сражались с врагом, неделями не выходили из боя, несли потери. Количество боевых машин уменьшалось с каждым днем. Из-за падения их численности танковые армии превращались фактически в корпуса, а корпуса — в бригады неполного состава. Ремонтники работали, не покладая рук, но ситуацию это коренным образом не меняло. Где пополнения? Где новые танки и самоходки, над со-

зданием которых днем и ночью, без праздников и выходных, героически трудились наши замечательные труженики тыла? Почему в танковые армии, сражавшиеся на направлении главного удара, не поступала новая техника?»

Командующий 1-й танковой армией генерал-лейтенант М.Е. Катуков в отчете по итогам Белгородско-Харьковской операции так потом и напишет: «За все время наступления армия не получила ни одного танка пополнения…» Не получала их и 5-я гвардейская танковая армия генерал-лейтенанта П.А. Ротмистрова. Такой она и была — та тяжелая и кровавая операция на истощение и уничтожение. Бойкие журналисты, слыша это, тут же задают вопрос: «Уничтожали противника — это ясно. А истощали кого? Себя?» Себя, к сожалению, тоже, ибо бои, зачастую, велись едва ли не до последнего танка и последнего человека. А пополнения не поступали потому, что новой техники просто не было. Ее вновь катастрофически не хватало: ресурс, накопленный в первой половине 1943 года, к моменту начала Курской битвы, в ней же и был израсходован. И оказался он, в действительности, не столь велик, как об этом привыкли думать.

У 1943 года есть своя «страшная тайна», о которой многие не подозревают. «Тайна» эта касается военного производства. Историки и мемуаристы уверенно твердили о том, что в СССР в годы войны оно неуклонно росло: военная промышленность и героический тыл во все возрастающих объемах, выдавали «на горá» миллионы стволов стрелкового оружия, десятки тысяч танков, орудий и самолетов. Твердят и сегодня: «Советская промышленность с началом войны в высоком темпе наращивала выпуск средних и тяжелых танков, самоходно-артиллерийских установок, противотанковой артиллерии, истребительной и штурмовой авиации. Это предопределило в конечном итоге условия для достижения перелома в войне и победоносного ее завершения. Нарастающие в годы войны объемы производства боевой техники и вооружения позволили на достаточно высоком уровне обеспечивать потребности действующей армии, быстро восстанавливать боеспособность войск, восполнять их потери в ходе операций» [28, с. 471]. Никто не спорит, а цифры (итоговые, по годам) это подтверждают, хоть и не по всем позициям.

При ближайшем рассмотрении многое выглядит иначе. Особенно — в первом полугодии 1943-го, когда СССР и его вооруженные силы добились колоссальных успехов: завершили разгром гитлеровцев и их союзников под Сталинградом, прорвали блокаду Ленинграда, отразили немецкий удар под Харьковом, выиграли воздушные сражения на Кубани, изгнали захватчиков с Северного Кавказа и готовились к решающей битве на Курской дуге. А производство вооружений в стране при этом не только не выросло, а заметно упало — по всем видам, за исключением самолетов! Танков, орудий и минометов, стрелкового оружия и боеприпасов было выпущено меньше, чем в предыдущем, тяжелейшем втором полугодии страшного 1942 года… В Германии за это время, наоборот, все показатели заметно выросли, а в производстве самолетов и боеприпасов вплотную приблизились к советским ([27, с. 138], см. Таблицу 7).

Таблица 7

Производство вооружений в Германии и СССР во втором полугодии 1942 года и первом полугодии 1943 года

Виды вооружений	2-е полугодие 1942 г.		1-е полугодие 1943 г.			
	Германия	СССР	Германия		СССР	
Стрелковое оружие, тыс. шт.	859,6	3 290,8	1 182,3	+37%	3 079,6	-6 %
Орудия и минометы	25 190	180 500	45 085	+79%	118 200	-35 %
Танки и штурмовые орудия (САУ)	3 094	13 268	4 541	+47%	11 189	-15 %
Самолеты	7 350	15 692	12 263	+67%	16 545	+5 %
Артиллерийские боеприпасы, млн. шт.	65,1	114,929	104,3	+60%	107,636	-6 %

Так что не было для Катукова и Ротмистрова в августе 1943 года новых свободных танков. А для доставки тех, что в эти дни заводами были выпущены, требовалось время. Новой техникой танковые армии пополнят уже в сентябре, после окончания боев за Харьков.

Противник сумеет сделать это раньше. И не раз. За время Белгородско-Харьковской операции в 4-ю танковую и 8-ю полевую армии вермахта танковые пополнения поступят: 49 танков T-VI «Тигр» и 53 танка T-IV [30, с. 331]. Немного, но советские танковые армии не получали и этого.

18 августа в дивизию СС «Дас Райх» начал прибывать находившийся с апреля 1943 года на формировании в Германии батальон танков T-V «Пантера» — 71 боевая машина [30, с. 331; 26, с. 25]. Переброска по железной дороге занимала пять суток. Слово «батальон» — обманчиво: числом танков он превосходил у немцев полностью укомплектованную советскую танковую бригаду (их у Катукова и Ротмистрова уже давно не было) или пару отдельных танковых полков. Ходовая часть «пантер» была, как известно, ненадежной. И новую матчасть гитлеровцы осваивали недолго, менее двух недель (первые танки батальон получил лишь 2 августа). И то, и другое увеличивало количество поломок. Но пушки «пантер» оказались убойными: своей мощью они превосходили даже орудия тяжелых, распиаренных «тигров» (см. Таблицу 6).

Без промедления, не дожидаясь полного прибытия и сосредоточения батальона, 1-я и 2-я танковые роты «пантер» (34 машины) были брошены в бой под Коротыч — против остатков 5-й гвардейской танковой армии, насчитывавшей чуть больше сотни танков Т-34 и Т-70. Но «сотня» — это в целом, вместе с танками резервного 29-го корпуса, стоявшего под Богодуховом. А в передовых, активно действовавших, корпусах армии Ротмистрова боеспособных танков оставался мизер: в 18-м танковом корпусе — 24, в 5-м гвардейском механизированном — всего 17. По ним и буду бить новоприбывшие «пантеры»…

Внимательный читатель заметил: рассказывая о боях, полыхавших 15–22 августа западнее Харькова, в полосе 5-й гвардейской танковой и 53-й армий, мы редко упоминали о действиях остальных армий Степного фронта — 7-й гвардейской, 57-й, 69-й, а заодно и 5-й воздушной. Разве они не воевали? Воевали. Еще как! Их батальоны, полки и дивизии изо дня в день, истекая кровью, поднимались в атаки и отражали яростные контрудары гитлеровцев. Артиллеристы и минометчики глохли от грохота своих выстрелов и разрывов вражеских снарядов и мин. Танкисты шли на плотную противотанковую оборону, горели в танках и сжимали зубы, видя, как машины их товарищей безнаказанно — с километра, полутора, двух — поражаются

новыми немецкими «тиграми», «пантерами», «мардерами» и «насхорнами». Летчики в прилипших к спинам гимнастерках сражались с новыми «фоккерами» (Fw 190A4, A5, A6) и модернизированными «мессерами» (Me 109G2, G4), штурмовали вражеские позиции и колонны, бомбили аэродромы и железные дороги.

Среднесуточные потери Степного фронта не уступали в наступлении тем, что были понесены месяцем ранее, в жестоких оборонительных боях на Курской дуге, — 4 680 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести в сутки. На Воронежском фронте они были еще выше — 7 490 человек в сутки [28, с. 287]. Другими словами, у Конева ежедневно выходила из строя одна, у Ватутина — полторы-две дивизии людей. Молох войны нещадно пожирал человеческие жизни…

В донесениях войск, отчетах штабов и политотделов армий было всё: героизм и самоотверженность воинов, верность долгу, Присяге и великому делу Ленина–Сталина. Не было одного: общего решающего успеха и заметного продвижения к желанной цели — Харькову.

Из справки штаба 69-й армии генерал-лейтенанта В.Д. Крюченкина, выходившей к городу кратчайшим путем, с севера:

«11.8.43 г. войска Армии перешли в наступление, противник сильного сопротивления не оказывал и, оставив мелкие группы прикрытия, свои главные силы оттянул в район Русское Лозовое, где создал узел сопротивления, которым старался закрыть выход нашим частям на Черкасское Лозовое, далее — на подступы к г. Харьков.

В течение дня части овладели: Русские Тишки, Черкасские Тишки, вскоре в ожесточенных боях были взяты: Черкасское Лозовое, Чайковка, Лозовенька, Олешки, Тыщенки, Чуйки. Дальнейшее продвижение наших частей было приостановлено — в силу организованного сопротивления противника, который, укрепив предместья города, создал прочную оборону…

Бой был спланирован командармом на 15.8.43 г. … Войска Армии начали с утра 15.8.43 г. вести наступление, успеха не имели и оставались на прежних рубежах. Причиной этого послужило:

а) с одной стороны — мощная противотанковая и противопехотная оборона противника;

б) с другой стороны — потери, понесенные нами в боях за Белгород и на подступах к г. Харьков, возмещены не были, и это ослабило ударную силу наших войск.

Для быстрейшего овладения городом Харьков Комфронтом была поставлена задача: 69 Армии с утра 17.8 силами двух стрелковых дивизий прорвать оборону противника на фронте Зайчик, Северный Пост и нанести удар в направлении совхоза Подворки, с последующим развитием удара на Новая Бавария и к исходу дня выйти на фронт Песочин–Залютино.

Для координирования удара с 53 Армией и для организации тесного взаимодействия между родами войск, эта операция распоряжением Комфронта была перенесена на 18.8.43 г. С утра 18.8 войска Армии вновь перешли в наступление, но также успеха не имели.

Все попытки наших войск в течение последующих дней прорвать оборонительную полосу противника каждый раз не увенчались успехом…» (См. Документ 23).

Командование немецкой группы армий «Юг», несмотря на приказ Гитлера удерживать Харьков любой ценой, решило, тем не менее, вывести из города все находившиеся в нем войска, чтобы сохранить от окружения и уничтожения свою оперативную группу «Кемпф», переименованную в 8-ю полевую армию. По приказу фельдмаршала Манштейна, во второй половине дня 22 августа, прикрывшись активными действиями арьергардов, она без потерь вышла из центральной части Харькова, организовав оборону на его юго-западной окраине, по реке Уды. Ценности, которые невозможно было вывезти, немцы подрывали и сжигали. Внутри города были взорваны все мосты.

В руках захватчиков оставались район Новой Баварии и 20–25-километровый коридор отхода из Харькова на юго-запад, между Коротычем и Хорошево, с единственной автомобильной и железной дорогами на Мерефу, Красноград, Днепропетровск. Сомкнуться и перерезать его советские 57-я, 53-я и 5-я гвардейская танковая армии так и не смогли. Но отход врага обнаружили вовремя.

69-я армия, северная окраина Харькова: «22.8.43 г. со стороны противника слышались массовые взрывы, на улицах города наблюдалось усиленное двустороннее движение автомашин, одновременно резко усилился огонь дальнобойной артиллерии. Все признаки давали ясное представление отхода противника» (См. Документ 23). Уточним: взрывы начали звучать «примерно в 17 часов» [10, с. 256].

7-я гвардейская армия, восточная окраина: «За день подразделения 47-го гвардейского стрелкового полка отбили девять контратак врага. В середине дня в Харькове было видно 8 больших очагов пожара. В ночь на 23 августа враг начал отходить» [10, с. 303].

53-я армия, западная окраина: «На исходе дня 22 августа немцы начали уничтожать предприятия города, а в ночь на 23-е фашистское командование приступило к выводу гарнизона из Харькова в юго-западном направлении» [10, с. 252].

На основе этих данных, комфронта И.С. Конев принял решение о возможности и необходимости скорейшего штурма и взятия города. Начальник связи 53-й армии Д.Г. Макаренко: «Во второй половине дня генерал Конев потребовал обеспечить ему прямые телефонные переговоры с начальником штаба Степного фронта генералом Захаровым, командующими армиями и штабом Воронежского фронта. Он вел их через узел связи штаба 53-й армии, находящийся в деревне Дергачи в хате колхозницы Марины Васильевны Балаклицкой. Я не являлся свидетелем всех этих переговоров, но около 18 часов был вызван к генералу Коневу. В то время он разговаривал с генералом Захаровым. Перед командующим на столе лежала развернутая карта. В руке он держал телефонную трубку. Я услышал: «Надо поднять войска на штурм города» [10, с. 313-314].

Приказ, подписанный начальником штаба Степного фронта генерал-лейтенантом М.В. Захаровым, командармы получили около 20 часов 22 августа:

«Командующему 69 Армией.

Манагаров вышел на фронт: Старый Люботин–Подворки. Из Харькова отмечено движение на юг до 500 автомашин. Харьков горит. Слышны сильные взрывы.

Командующий фронтом приказал: 94 гв. сд по боевой тревоге и танковую бригаду форсированным маршем сосредоточить восточнее Куряж и, не медля ни одной минуты, силами 94 гв. сд, 305 сд и танковой бригады через Савченки, восточнее Подворки, перейти в наступление в направлении Залютино, отрезая пути отхода противнику из Харькова.

С фронта немедля приказать войскам перейти на штурм г. Харьков.

Действия должны быть решительными и энергичными.

Об отданных приказах и исполнении донести» [10, с. 244, 256].

На фразу «отрезая пути отхода противнику из Харькова» обратили внимание? А то кто-то и через 70 лет пытается рассказывать в Интернете байки о «намеренно оставленных Коневым путях отхода немцев из города». Ничего этого и близко не было!

В ночь с 22 на 23 августа армии фронта, выполняя приказ, двинулись на штурм Харькова. Хотя штурмовать им, по сути, было некого: в большей части города немецких войск уже не осталось. Атакующим попадались на пути лишь спешно отходившие вражеские группы прикрытия, случайно задержавшиеся мелкие подразделения и отставшие солдаты вермахта. Их сопротивление подавлялось быстро. Стремительное продвижение войск задерживали не они, а взорванные мосты, узкие улицы, руины зданий и брошенная при отступлении неисправная немецкая техника, тут же становившаяся трофеями.

На овладение большей частью огромного города (за исключением района Новой Баварии) время потребовалось минимальное — полдня. Во всех предыдущих случаях, когда наступавшие сталкивались с более или менее организованной внутренней обороной Харькова и были вынуждены вести в нем уличные бои, это продолжалось гораздо дольше (осенью 1941-го немцы овладевали городом в течение 23–25 октября — трое суток; весной 1943-го, при повторном взятии Харькова оккупантами, бои продолжались с 10 по 16 марта — семь суток).

23 августа 1943 года город был занят советскими войсками в рекордно короткий срок. Именно это все его освободители и подчеркивали:

Оперативный отдел штаба 69-й армии: «23.8.43 г. 69-я Армия перешла в наступление по всему фронту и частями ворвалась в город и вскоре, после ликвидации отдельных очагов сопротивления противника в зданиях города, вышла на рубеж реки Уды» (См. Документ 23).

Вишневский Н.А., начальник политотдела 69-й армии: «Первыми вошли в город 89-я и 93-я гвардейские и 375-я, 183-я стрелковые дивизии. В 3 часа 30 минут 23 августа была взята железнодорожная станция Харьков, а к 10 часам — полностью очищена от противника юго-западная часть города. В 4 часа 30 минут противник был выбит с площади Дзержинского, в 10 часов части вышли на реку Уды» [10, с. 316-317].

Манагаров И.М., командующий 53-й армией: «В 4.00 89-я гвардейская и 107-я стрелковая дивизии ворвались в Харьков с запада, уничтожая оборонявшиеся части врага. Одновременно с севера в город вошли части 69-й армии и с востока — 7-й

гвардейской армии. Совместными усилиями войск этих армий к полудню 23 августа Харьков был полностью очищен от фашистских оккупантов» [10, с. 252].

Шумилов М.С., командующий 7-й гвардейской армией: «В 8 часов утра 23 августа наши войска совместно с соседними армиями прорвали сильно укрепленный городской оборонительный обвод и овладели северо-восточным и юго-восточным районами Харькова» [10, с. 262].

15-я гвардейская стрелковая дивизия 7-й гвардейской армии: «В 4.00 достигли восточной окраины города. В 8.00 заняли опытную сельскохозяйственную станцию, в 9.00 — железнодорожную станцию Основа, затем вошли в Харьков» [10, с. 303].

Конев И.С., командующий войсками Степного фронта: «К 11 часам 23 августа войска Степного фронта полностью освободили Харьков. Большая часть группировки, оборонявшей город, была уничтожена. Остатки ее отступили» [19, с. 40].

Захаров М.В., начштаба Степного фронта: «Утром 23 августа истерзанный врагом город был в наших руках. К 12.00 Харьков был окончательно очищен от гитлеровских войск» [10, с. 245].

О том, что наступление (штурм) оказалось удачным, И.С. Конев узнал задолго до его завершения. По словам начальника связи 53-й армии Макаренко, дело было так:

«Узел связи 53-й армии работал с прежней нагрузкой и четкостью. Командиры частей и соединений докладывали о ходе боя и успешном продвижении вперед. Примерно в 5 часов утра 23 августа 1943 года, когда уже совсем рассвело, через телефонистку Момот один из подполковников потребовал к телефону кого-нибудь из начальников. Чтобы выяснить, в чем дело, я первым взял трубку и услышал взволнованный голос: «Нахожусь на площади Дзержинского, сопротивления не встречаю, продолжаю движение к вокзалу». Я передал подполковнику, что сейчас попрошу к телефону командующего, и доложил о сообщении. Генерал Конев выслушал доклад, положил трубку и, подойдя к командующему 53-й армии, негромко сказал: «Ну, Манагаров, поворачивай всё на Люботин». Через несколько минут начали поступать радостные донесения из многих других районов города о вступлении наших частей в Харьков и боях на его улицах» [10, с. 314].

После этого И.С. Конев и позвонил в Москву: сначала — в приемную Сталина, где его отказались соединять: Вождь спал! После этого Конев начал настойчиво звонить напрямую, в кабинет:

«Работая ночью, Сталин обычно в это время отдыхал. Я знал об этом, но, тем не менее, взятие Харькова было таким важным событием, что я не мог не доложить ему лично о завершении Харьковской операции.

Сталин не замедлил с ответом:

– Поздравляю. Салютовать будем по первому разряду» [19, с. 41].

Так Харьков стал «Городом второго салюта». Первый — прозвучал в Москве 5 августа, в честь освобождения сразу двух городов — Орла и Белгорода (12 залпов из 124 орудий). «Харьковский» салют был уже персональным, более солидным (20 залпов из 224 орудий) и первым, раздавшимся в честь освобождения городов Украины!

В последние полтора–два десятилетия вопрос о «ночном штурме Харькова» («Был? Или не был?») возникает с завидным постоянством, обсуждается с ожесточением и политической подоплекой. Аргументов оппонентов стороны не слышат и слышать не хотят.

Одни упрямо твердят о том, что Харьков имел для фашистов важнейшее значение, что гитлеровцами на подступах к городу было возведено восемь рубежей обороны, последний из которых проходил по окраинам, а сам Харьков был заранее подготовлен к ведению уличных боев и, по приказу Гитлера, в течение длительного времени упорно удерживался оккупантами. Неоднократные попытки взять город обычным наступлением заканчивались неудачей. Поэтому освободить его можно было только решительным штурмом. В приказе И.С. Конева, изложенном М.В. Захаровым на бумаге, так и значилось: «Приказать войскам перейти на штурм г. Харьков». А значит, штурм был! И те, кто это отрицает — политические фальсификаторы!

Другие утверждают, что многочисленные оборонительные рубежи и длительные ожесточенные бои с захватчиками в августе 1943 года, конечно же, были, но не в самом городе, а на подступах к нему. И приказ Гитлера об удержании Харькова остался до конца не выполненным, так как гитлеровцы сами, по распоряжению Манштейна, покинули город, отступив на юго-запад. И сделали это еще до того, как армии Степного фронта, выполняя приказ И.С. Конева и М.В. Захарова, ринулись на штурм и атаковали фактически пустой, заранее оставленный противником город. А значит, штурма, как такового, не было!

Парадокс в том, что обе точки зрения являются верными и не противоречат друг другу. Скорее — взаимно дополняют. О том, как, почему и в какой последовательности разворачивались события 22-го августа, в ночь с 22-го на 23-е, утром 23-го, мы только что, опираясь на документы и свидетельства советских генералов, напомнили. Немцы, действительно, из большей части Харькова успели заранее и стремительно отступить. А войска Степного фронта в то же самое время получили приказ о штурме города. На штурм и пошли! И от начала до конца вели его так, как при штурме и положено: решительно, напористо, с использованием тактики действий штурмовых групп и ведения боя в крупном населенном пункте. В силу обеих причин Харьков быстро и освободили. Спорить не о чем.

Интересней иное. Многие годы убежденным сторонником и активным пропагандистом версии «отсутствия штурма» был фронтовик, кавалер боевых наград, известный харьковский историк и исследователь, писатель, член Союза журналистов Украины И.М. Карасев. Лично зная Ивана Мефодиевича, мы не сомневаемся в его эрудиции, искренности и приверженности Истине. Человек, прошедший войну солдатом инженерно-саперного батальона, не был фальсификатором. Изучая документы фронтов, армий и войск, он аргументировано обосновывал и другую мысль: о том, что вся Белгородско-Харьковская операция, от начала до конца, в целом, была операцией не И.С. Конева, как об этом в Харькове привыкли думать, а Г.К. Жукова! Роль «маршала Победы» в событиях лета 1943 года была действительно неординарной. Ему принадлежал стратегический замысел Курской битвы, инициатива в планировании, подготовке и проведении Белгородско-Харьковской операции, роль курато-

ра и координатора действий Воронежского и Степного фронтов. Его инициативой, утверждаемой Ставкой ВГК, происходила передача армий и корпусов, оперативное изменение задач войск. У него получал санкцию на реализацию своих (или уже общих?) решений И.С. Конев, в том числе и вечером 22 августа, перед отдачей последнего приказа о взятии Харькова.

О роли и вкладе Г.К. Жукова в окончательное освобождение Харькова и Харьковщины здесь в течение многих десятилетий просто не говорили — ни в книгах, ни в музеях. Нечасто, невнятно и вскользь упоминают и сегодня. На карте Харькова имя Георгия Константиновича было увековечено лишь 14 февраля 1990 (!) года, с появлением проспекта Маршала Жукова (до того — улица Стадионная и проспект 60-летия СССР). Чуть позже ему там воздвигли памятник, а станцию метро «Комсомольская» переименовали в «Маршала Жукова». Зато имя И.С. Конева в Харькове увековечили давно, еще в 1973-м, сразу после его ухода из жизни, причем дважды: названием бульвара, а через три месяца — еще и улицы.

В отличие от них, название «Высоты маршала Конева» (командной, господствующей высоты 197,3 в 1,5 км от трассы Харьков–Богодухов–Сумы, позади бывшего села Гавриловка, сросшегося и вошедшего ныне в состав Солоницевки) рождено было не решением власти (она его позже лишь узаконила), а инициативой масс: местные жители уже давно называли это место «Горкой Конева».

Каковы же были непосредственные итоги взятия Харькова утром 23 августа 1943 года?

«Ключ к воротам Украины» (именно так называли его в войнах прошлого) окончательно перешел в руки советского командования. Овладение городом-гигантом, четвертым по величине в СССР и вторым в Украины, крупнейшим на юго-востоке Европы транспортным узлом и одним из ведущих промышленных центров создало реальные предпосылки успешного ведения дальнейших боевых действий с целью освобождения Донбасса и всей Левобережной Украины, выхода к Днепру и окончательного, безостановочного изгнания захватчиков с территории СССР. Фронт группы армий «Юг» оказался на грани крушения.

Помимо Харькова, в течение 23 августа к западу от города были освобождены Ольшаны, Солоницевка, станция Куряж, южнее — поселок Безлюдовка. Войска бойко рапортовали об успешном продвижении, взятых трофеях и (что особо радовало) минимальных потерях личного состава: бои в самом городе в тот день, конечно, были, но не повсеместно и носили локальный, очаговый и скоротечный характер. Погибших 23 августа непосредственно в Харькове в именных списках безвозвратных потерь совсем немного.

Положение и состояние войск противника оценивалось при этом не совсем неадекватно: организованный отход на заранее подготовленный и укрепленный оборонительный рубеж расценивался как бегство и паническое отступление. От этой точки зрения не могли отказаться и после войны. Начальник штаба Степного фронта М.В. Захаров: «В результате ночного штурма противник понес огромные потери. Только в районе Харькова и его пригородах на поле боя осталось свыше 7 тыс. не-

мецких солдат и офицеров. Противник потерял массу боевой техники, разбитые и деморализованные остатки гитлеровских войск, преследуемые нашими танками и авиацией, в панике бежали на юго-запад, за реки Мерефу и Мжу» [10, с. 245]. Цитата — классический образец политпропаганды и публицистики. За какой период времени, в каком таком «районе Харькова и его пригородах» войска фронта уничтожили целую дивизию немцев, генерал не уточнял. Главное — что не в самом городе, но тогда при чем здесь «в результате ночного штурма»? Где начинался «район Харькова»: на границе с Белгородской областью (тогда — Курской), у Золочева, Богодухова, Дергачей или еще где — остается догадываться. Но разбиты гитлеровцы не были — главная задача Белгородско-Харьковской операции (разгром харьковской группировки врага) к 23 августа выполнена не была. Не были они и деморализованы — ближайшие бои это покажут. За Мерефу и Мжу в панике не бежали — остановились на Удах. И танки их не преследовали…

Попытки отдельных соединений 53-й армии и разведывательных отрядов 69-й армии развить успех «штурма» и сходу наступать на немцев за рекой Уды (в районе Песочина, станции Минутка, Новой Баварии) натолкнулись на жесточайшее сопротивление, вынудившее советские части отойти.

По донесению командующего Степным фронтом И.С. Конева Ставке ВГК, в ходе боя за Харьков было уничтожено свыше 7 000 солдат и офицеров противника, винтовок и автоматов — более 2 000, пулеметов — 179, минометов — 62, орудий разных калибров — 84, танков — 73, автомашин — 243, самолетов — 28, бронемашин — 4. Пленных захвачено всего 53 (пятьдесят три) человека, винтовок и автоматов — 720, пулеметов — 92, минометов — 24, орудий разных калибров — 33, танков — 3, автомашин — 29 и т.д. Семитысячные потери многим кажутся сегодня сомнительными, да и часть техники немцы могли подорвать сами, при отступлении. Сколько техники на самом деле уничтожили войска Степного фронта, определить сложно. А вот захваченные трофеи всегда можно было пересчитать, и цифра эта, по-видимому, точна.

В следующем донесении, от 25 августа, Конев назвал количество немецких солдат и офицеров, уничтоженных силами Степного фронта за все дни Белгородско-Харьковской операции (3–23 августа) — свыше 65 000 человек, в плен взято — 1 747. Истине соответствовали только данные о числе пленных.

Немецкие документы о потерях 8-й полевой армии (оперативной группы «Кемпф»), противостоявшей войскам Конева, — и не за три недели, а за весь август 1943 года — говорят о 4 496 убитых, 2 703 пропавших без вести и 18 614 раненых. Сражавшаяся против войск Ватутина 4-я немецкая танковая армия потеряла за тот же месяц 5 658 человек убитыми, 6 541 пропавшими без вести и 13 712 ранеными [15, с. 417].

Сами же войска Степного фронта, по официальным данным, потеряли за 3–23 августа 23 272 человека погибшими, умершими от ран, пропавшими без вести и 75 001 человека ранеными и больными; всего — 98 273 [28, с. 287]. Потери 57-й армии Юго-Западного фронта, переданной в состав Степного, составили за август месяц 33 402 человека убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести. Воронежский фронт Н.Ф. Ватутина потерял за время операции намного больше — 48 339 убитыми, умер-

шими от ран, пропавшими без вести и 108 954 ранеными и больными; всего — 157 293 человека [28, с. 287].

Общие потери Воронежского и Степного фронтов за три недели Белгородско-Харьковской наступательной операции превысили четверть миллиона человек. Это вполовину превосходило жертвы, понесенные тремя фронтами (Центральным, Воронежским и Степным) в оборонительной фазе битвы на Курской дуге, где на советских воинов обрушились бронированные армады гитлеровских танков, бешеный огонь вражеской артиллерии и массированные удары авиации.

Потери в артиллерии и самолетах за три недели боев были невелики: 423 орудия и миномета, 153 боевых самолета, а в танках и САУ — ужасали: 1 864 [28, с. 485]. Столь высоких среднесуточных потерь в людях (12 170 человек в сутки) и танках (89 боевых машин в сутки) Красная Армия не имела и не будет иметь ни в одной из операций 1943–1945 годов! Выше этого человеческие потери окажутся лишь однажды, на излете войны, — в Берлинской операции. А среднесуточные потери в танках уже никогда не будут столь высоки (даже при взятии Берлина они не превысят 87 танков и САУ в сутки) [28, с. 485, 487]. Статистика — неумолима, бесстрастна и объективна: по накалу боев и величине среднесуточных потерь Белгородско-Харьковская операция была наиболее жестоким и кровавым сражением трех последних лет войны…

Победы под Белгородом и Богодуховом, Ахтыркой и Харьковом, свобода жителей оккупированных территорий, их потомков и наших современников были оплачены безмерно дорогой, кровавой и жестокой ценой…

Этим официальная часть освобождения Харькова формально (но не по сути!) заканчивается. 23 августа 1943 года Москва салютовала войскам Степного фронта 20-ю артиллерийскими залпами из 224-х орудий. Десять стрелковых дивизий, особо отличившихся в боях за освобождение города, стали именоваться «Харьковскими».

Более половины из них: 28-я и 89-я гвардейские, 84-я, 116-я, 252-я, 299-я стрелковые — были дивизиями 53-й армии И.М. Манагарова, роль которой Г.К. Жуков и И.С. Конев считали определяющей (Конев, к тому же, именно в этой армии в решающие дни и находился). Но непосредственно в Харьков вошла только одна из них — 89-я гвардейская, остальные действовали западнее города. Эту же дивизию считал «своей» и штаб 69-й армии В.Д. Крюченкина, поскольку в составе их армии она действовала почти всю операцию, а Манагарову была передана временно, за несколько дней до взятия города. Без нее в 69-й армии (первой ворвавшейся в город!) наименование «Харьковских» получили всего три дивизий: 93-я гвардейская, 183-я и 375-я стрелковые. В 7-й гвардейской армии М.С. Шумилова «Харьковской» стала лишь одна — 15-я гвардейская стрелковая дивизия.

Части 57-й армии Н.А. Гагена и 5-й гвардейской танковой П.А. Ротмистрова почетными наименованиями обошли (их действиями Конев, Жуков и Ставка ВГК остались недовольны). Не досталось их и тем, кто 23 августа непосредственно принес в Харьков знамя победы и прошел по улицам освобожденного города: 107-й стрелковой дивизии 53-й армии, 94-й гвардейской и 305-й стрелковым 69-й армии, 78-й, 81-й гвардейским и 111-й стрелковой 7-й гвардейской армии. Не получило

почетных наименований ни одно из танковых, артиллерийских, инженерно-саперных и авиационных соединений и частей.

Лично И.С. Конев за успешное командование войсками и освобождение Харькова получил звание генерала армии. Командующий 69-й армией генерал-лейтенант В.Д. Крюченкин, войска которого первыми вошли в город, — удостоен ордена Кутузова 1-й степени. Орденами и медалями были награждены многие солдаты и офицеры Степного фронта (в одной только 69-й армии — 8 400 человек [10, с. 323]). Белгородско-Харьковская наступательная операция и Курская битва формально завершились. В городе, по идее, должна была начаться «мирная» (насколько это возможно во время войны) жизнь.

ПОСЛЕ САЛЮТОВ

(23–30 августа 1943 года)

Радостные лица бойцов Красной Армии и горожан, улыбки, цветы и объятия — таким предстает Харьков 23 августа 1943 года в фотографиях и кадрах кинохроники. «Знатоки» утверждают, что в городе собрался тогда едва ли не весь советский генералитет, находившийся в радиусе полутора сотен километров. Даже сам И.С. Конев, получив за освобождение Харькова звание генерала армии, спустился со своей высоты. А к началу торжественной встречи харьковчан с воинами-освободителями подоспел и Маршал Советского Союза Г.К. Жуков (в годы послевоенной опалы кадры с его изображением будут из хроники тщательно вырезать, сея в потомках сомнения: был тогда Жуков в Харькове или не был? Был!). Мелькал поблизости от них и Никита Хрущёв…

Советская власть вернулась в город в день его освобождения. Первой, вслед за войсками, в 16.00, в город вошла харьковская милиция. За ней, в 21 час 23 августа, в дымящийся Харьков въехала оперативная группа партийных и советских работников во главе с председателем горисполкома Александром Селивановым. Утром 24-го прибыл первый секретарь Харьковского горкома КП(б)У Виктор Чураев с работниками городского и районных комитетов партии. Вечером 25-го — оперативная группа ЦК Компартии Украины. Утром 26-го — первый секретарь ЦК КП(б)У, член Военного Совета Воронежского фронта Никита Хрущёв и Председатель Президиума Верховного Совета УССР Михаил Гречуха. Началась работа по восстановлению города и созданию в нем минимально необходимых условий для нормализации жизни. Первоочередные задачи: обеспечение населения хлебом и продовольствием, водой, электроэнергией, восстановление мостов. Хлебопекарни заработают в Харькове с 29 августа, а восстановление предприятий начнется еще раньше — с 27-го, под ежедневными бомбежками и артобстрелом.

Харьков все это время оставался не прифронтовым, а фронтовым городом: линия фронта проходила непосредственно через его кварталы и пригороды. Армии и жителям было не до торжеств, хотя приказ по войскам Степного фронта с поздравлениями и благодарностью по случаю освобождения Харькова действительно был. Но вместе с ним были и другие приказы. Они раскрывают истинное положение, сложившееся в Харькове и его пригородах. После первых восторгов и эйфории победы, у командования Красной Армии возникло даже некоторое недоумение. Гитлеровцы оставили бóльшую часть Харькова, однако закрепились в юго-западной его части, за рекой Уды, и, судя по всему, покидать ее не собирались. От Баварии до нынешнего аэропорта, а далее — на юг, до Мерефы, немцы имели мощные оборонительные позиции. Под прикрытием артиллерии и авиации противник ежедневно контратаковал танками и пехотой. Весь город простреливался минами и снарядами насквозь, и находиться в нем было по-прежнему опасно.

Это создавало ощущение возможной атаки врага и повторения печальных событий марта 1943-го, когда советские войска не смогли удержать впервые освобожденный

Харьков. Именно поэтому митинг по случаю освобождения города был отложен — не под бомбежкой же и артобстрелом его проводить?!

Да и сам город, по совести говоря, освобожден был не весь. Жителям Краснобаварского района (таким же харьковчанам, как и все) было не до веселья: для них страшная ночь оккупации окажется на 6 (шесть) суток длиннее. Освобождение придет туда лишь 29 августа. Этот день и является датой полного и окончательного освобождения Харькова от гитлеровских захватчиков. (Но отмечают в городе, по традиции, уже 70 лет не ее, а ту, что зафиксирована и объявлена в Приказе Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза И.В. Сталина — 23 августа 1943 года.)

А война рядом с «мирно-военным» Харьковом не утихала ни 23 августа, ни позже. В канун официального освобождения, когда «Харьковские» дивизии в яростном порыве штурмовали оставленный немцами город, войска 5-й гвардейской танковой армии П.А. Ротмистрова готовились атаковать противника западнее Харькова в направлении на Рай-Еленовку, хутор Зайцев, Березовое и овладеть в тот же день Бабаями и Покотиловкой. Отдавая танковой армии такой приказ, генерал-полковник (без нескольких часов — генерал армии) И.С. Конев полагал, очевидно, что основные силы противника, «разбитые и деморализованные», «в панике» (так считал его начальник штаба М.В. Захаров) бежали из Харькова уже не только к Мерефе (городу и реке), а возможно, и дальше на юг, к Краснограду.

В само́й танковой армии положение было не из лучших. В результате сложной оперативной обстановки и боев, продолжавшихся в ночь с 22 на 23 августа, части армии заметно перемешались — к полудню следующего дня в них нарушится управление и будет затруднена организация боя. Перегруппировку и смену частей танкисты провести не успеют — с утра 23 августа немцы начнут контратаковать их из района Старого Люботина.

Активизация действий противника была предсказуемой: по донесению командира 5-го гвардейского мехкорпуса, враг в течение ночи перебросил в Коротыч подкрепления. В 4.00 разведка корпуса доложила, что к поселку в направлении высоты 196,5 подходит колонна пехоты с артиллерией. По данным разведчиков, фронт обороны на рубеже платформа Рай-Еленовка — Коротыч — высота 196,5 занимало до полутора батальонов немецкой пехоты, поддержанных батареями шестиствольных минометов, 75-мм орудиями ПТО и дивизионом 105-мм гаубиц. На участке Рай-Еленовка — роща западнее Коротыча выявлено сосредоточение 30–35 танков (из них 13 «тигров»), а в районе леса севернее Коротыча — 2 самоходки «фердинанд».

Сегодня ясно, что самоходки эти «фердинандами» не были: два дивизиона тяжелых самоходных ПТО «Фердинанд» (у немцев именовались также истребителями танков «Элефант» и 88-мм штурмовыми орудиями; всего — 89 машин, из которых в августе оставалось 50) входили в состав 656-го танкоистребительного полка и с начала Курской битвы действовали против войск Центрального фронта. За «фердинандов» на фронте принимали всё, что хотя бы отдаленно, издали, походило на них силуэтом и имело длинный ствол: самоходные ПТО «Насхорн», самоходные гаубицы «Веспе»,

штурмовые орудия с пушкой Pak40. Все они многократно уступали «фердинандам» в толщине брони и подбивались из-за этого легче.

В любом случае, налицо было развертывание главных сил дивизии СС «Дас Райх» — заплатку в районе Люботина и Коротыча гитлеровцы поставить успели.

23 августа, на рассвете, передовые отряды 5-го гвардейского механизированного и 18-го танкового корпусов сосредоточились для атаки на Березовое. Главные силы корпусов и пехота 53-й армии не успели занять в это время позиции на южных окраинах Коротыча и были контратакованы танками и пехотой врага. В результате советским войскам пришлось оставить с трудом захваченные накануне рубежи и уйти из поселка. Вернуть его 5-я гвардейская танковая армия будет пытаться весь этот день, а затем — и в последующие.

Передовой отряд 5-го гвардейского мехкорпуса, как и планировалось, начал наступление на Березовое. Связь с ним вскоре оборвалась. Вышедший пешком из немецкого тыла один из экипажей доложит о гибели 3-х наших танков, судьба остальных будет неизвестной. Позже выяснится, что еще 3 уцелевших Т-34 находились в окружении на южной окраине Коротыча (в ночь с 24 на 25 августа один из них прорвется к своим, а два будут сожжены противником) [1, л. 239].

Передовой отряд 18-го танкового корпуса (7 Т-34 и мотопехота) под командованием лейтенанта Иващенко в 2 часа ночи был выслан на юг, с задачей перерезать шоссе Харьков–Мерефа. В 3.50 лейтенант Иващенко сообщил по рации о выходе в указанный квадрат и о том, что ведет бой. Два его танка были к тому времени уже сожжены. Та же участь ждала и танк Иващенко с радиостанцией. Сам он был ранен. Дальнейшая судьба отряда терялась в неизвестности. Разведчики 110-й танковой бригады пытались установить с ним связь, но, очевидно, и сами погибли — сведений от них командир корпуса не получит. Попытка 170-й танковой бригады прорваться к передовому отряду также не удалась.

Разведгруппа 1-го отдельного гвардейского Краснознаменного мотоциклетного полка тем же утром была выслана в Коротыч и далее, в направлении на Буды. В 8.00 разведка доложила обстановку под Коротычем: все подступы к поселку находятся под сильным минометным, артиллерийским, пулеметным и автоматным огнем немцев, но в нем остаются прорвавшиеся туда накануне танки 1-го мехкорпуса генерала М.Д. Соломатина (дойти до поселка смогла всего одна танковая рота), — и действуют они там фактически одни! Пехота 53-й армии (89-й гвардейский стрелковый полк 28-й гвардейской стрелковой дивизии) еще утром отошла на северную окраину поселка [2, л. 243]. Основные силы самого мотоциклетного полка занимали в это время оборону в 66 метрах севернее Коротыча. В строю оставалось 6 танков Т-34, 76-мм орудий — 2, 45-мм орудий — 3, станковых пулеметов — 5, минометов 82-мм — 2. В 10.00 противник перешел в контратаку (10 танков и до трех рот пехоты), которая была отбита частями 89-го стрелкового полка и 35-й мехбригады корпуса Соломатина [2, л. 245].

К 14.00 разведка доложила, что Коротыч находится уже полностью в руках противника, танки и пехота которого сосредоточились на северо-западной (10 танков, из них 1 «тигр») и северо-восточной окраинах. Их поддерживали минометная батарея (укрыта в кустах на восточной окраине Коротыча), батарея шестиствольных миноме-

тов (южный скат высоты 200,0), артиллерийские и минометные батареи от станции Люботин и хутора Богатый.

К 19.00 передовые части 5-й гвардейской танковой армии (18-й танковый и 5-й гвардейский механизированный корпуса) стояли на подступах к Коротычу, готовясь в очередной раз атаковать и вернуть поселок. 110-я танковая бригада (Т-34 — 9, Т-70 — 5) располагалась в районе курганов в 1 км северо-восточнее Коротыча, 170-я танковая (Т-34 — 5, Т-70 — 1) — в посадке в 300 м от шоссейной дороги севернее Коротыча, 181-я танковая (Т-34 — 3, Т-70 — 2) — в 1 км севернее Коротыча. Танков в бригадах оставалось мало, но из ремонта ожидалось получить 12 Т-34. 32-я мотострелковая бригада занимала оборону вдоль полотна железной дороги к северу от Коротыча, артиллерия 18-го танкового корпуса — у платформы Курортная. Все части и подразделения подвергались постоянным артиллерийско-минометным обстрелам из района хуторов Богатый, высоты 200,0, Рай-Еленовки и самого Коротыча. Минометные батареи немцы расположили северо-западнее и юго-восточнее поселка, орудия ПТО — на северо-восточной окраине [2, л. 241].

Бой за Коротыч предстоял жаркий, но противник его не принял. С началом советской артподготовки, в 19.30, он вывел войска из обстреливаемого поселка, отойдя в южном и юго-западном направлении. А когда в атаку ринулись советские танки — преградил им путь массированным заградительным артогнем. Преодолевая огневое сопротивление врага, части 5-го гвардейского мехкорпуса планировали выйти на окраины Коротыча: 10-я мехбригада — на восточную, 11-я мехбригада — на южную, 12-я мехбригада (в ней оставалось всего 2 Т-34 и 2 Т-70) — на северо-восточную. Вдоль юго-восточной окраины собирались развернуть противотанкистов (24 ПТР системы Симонова) и саперов. К тому же, на пополнение корпуса прибыл 31 отремонтированный танк Т-34 (к 24 часам во всей 5-й гвардейской танковой армии оставалось 78 танков Т-34 и 25 Т-70, часть из которых также нуждалась в ремонте).

Войти в Коротыч не удастся ни вечером, ни ночью. Под мощным артогнем врага танкисты не смогут преодолеть даже железнодорожную насыпь, тянувшуюся к северу от поселка. За ночь потери составят три танка Т-34 и три — Т-70. Пользуясь этим, противник в течение вечера 23-го и ночи на 24-е августа подтянет к Коротычу дополнительные силы.

То же самое начнет делать и советское командование. Видя бесплодность затянувшихся поединков с эсэсовцами и угасание мощи 5-й гвардейской танковой армии, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков решил усилить ее наступательный потенциал тем, что было под рукой. Находившийся под Богодуховом 29-й танковый корпус (комкор — генерал-майор И.В. Кириченко) в 17.10 23 августа получил устный приказ маршала начать выдвижение в новый район сосредоточения (лес в 2,5 км севернее Куряжанки). Форсированным маршем корпус к 22 часам будет передислоцирован в указанный район и к 9.00 24 августа сосредоточится в лесу севернее Куряжанки. В течение дня он будет вести рекогносцировку переправ через Уды и сражаться у совхоза Коммунар, на северных подступах к Коротычу. Уже 25-го, в 2.00, ему будет приказано атаковать южную окраину Коротыча и, сбив с нее немцев, следовать на Буды [1, л. 239].

24 августа 5-я гвардейская танковая армия всеми силами весь день штурмовала Коротыч. Противник, подтянув дополнительные подразделения танково-гренадерской дивизии СС «Викинг» — батальон пехоты, 20 танков и противотанковую артиллерию, эти атаки отражал.

Вновь прибывший 29-й танковый корпус безуспешно атаковал совхоз Коммунар. При этом немецкая артиллерия била по его танкам не только в лоб, но и с левого фланга, из Коротыча. В 12.45, распоряжением командарма П.А. Ротмистрова, на оказание помощи танкистам И.В. Кириченко было нацелено почти 100% артиллерии 5-й гвардейской танковой армии. Огневым средствам 5-го гвардейского механизированного и 18-го танкового корпусов предписывалось подавить всю систему огня противника на западной окраине Коротыча и тем самым слева обеспечить продвижение 29-го корпуса в направлении совхоза Коммунар [1, л. 240-241]. Не помогло. Имея на ходу 93 танка Т-34 и 11 танков Т-70, 29-й корпус боевую задачу не выполнил и совхоз не взял.

5-й гвардейский мехкорпус пытался тем временем вернуть Коротыч, что оказалось ему также не по силам. По донесению штаба корпуса, танкистам на переднем крае противника противостояла всего одна рота (!) немецких автоматчиков с десятью станковыми и ручными пулеметами. Но вдавить их в землю и превратить в прах не позволял перекрестный огонь вражеской артиллерии. С северной окраины Коротыча по советским танкам били 6 противотанковых пушек, с южной, возвышенной окраины — несколько артбатарей и минометная батарея, с юго-западной — 5 укрытых в окопах танков. По всему поселку курсировали и вели огонь с часто меняемых позиций отдельные самоходные орудия, а из-за насыпи у переднего края стреляли 3 «тигра». В довершение всего, с 13.45 немецкая авиация начала наносить удары по позициям гвардейцев (зафиксировано 115 самолето-вылетов). Под бомбами мехкорпус в 14.00 сосредоточился к атаке и в 15.00, после артподготовки, перешел в наступление. Противник тут же открыл огонь прямой наводкой, а на восточной окраине Коротыча применил огнеметы. Выйти на железнодорожную насыпь перед окраиной танкисты не смогли. Танки 24-й отдельной гвардейской танковой бригады были уничтожены прицельным огнем «тигров». Потери корпуса в одной атаке составили 19 Т-34 и 3 Т-70, личного состава выбыло из строя 123 человека [2, л. 249].

Помимо переднего края и районов сосредоточения танков, немецкая авиация «работала» в тот день и по всей тактической глубине армии Ротмистрова. В 12.30 до 50 самолетов противника нанесли бомбовый удар по позициям 2-го эшелона 18-го танкового корпуса, разбив НП корпуса, артиллерийские позиции и транспортные машины.

До конца дня части 18-го танкового корпуса неоднократно пытались обойти узел сопротивления в Коротыче, но всякий раз отходили на исходные позиции из-за сильного, хорошо организованного артиллерийского огня противника. Номеров частей на картах советских штабов было много, но реальной боевой силы за ними уже не стояло. 181-я танковая бригада полностью лишилась в этот день последних танков, была выведена из боев и направлена в район села Должик. В 170-й танковой бригаде в строю осталось всего два танка (один Т-34 и один Т-70). В 110-й танковой бригаде насчитывалось четыре танка Т-34, 78 человек мотопехоты и 4 противотанковых

орудия, занимавших оборону у перекрестка проселочной и шоссейной дорог северо-западнее Коротыча [2, л. 248].

В целом, в боях 24 августа армия Ротмистрова потеряла 39 танков…

Разведка, пробираясь в тыл немцев, доносила о сосредоточении 252-й пехотной дивизии вермахта в районе Липовой Рощи и отмечала присутствие неустановленного танкового соединения в глубине вражеской обороны, в районе севернее села Березовое (Березовка) — на подступах к Будам и Покотиловке, куда обескровленные части 5-й гвардейской танковой должны были двинуться сразу после взятия Коротыча. Речь, скорее всего, шла о «пантерах» дивизии СС «Дас Райх».

Причин неуспеха 5-й гвардейской ТА было много, и они оказались теми же, что и в войсках 69-й и 7-й гвардейской армий перед взятием Харькова. Тут и слабый состав частей и подразделений, вызванный понесенными перед этим потерями. И упорное сопротивление противника, который до и после освобождения Харькова оставался не разгромленным. И удачный выбор немцами места для возведения оборонительного рубежа: они укрепились на высотах к югу от насыпи железной дороги Харьков–Полтава, которая была труднопроходима для танков, а часть поселка Коротыч господствовала над подступами к нему. В результате, противнику удавалось достаточно легко отбивать атаки советских танкистов. Для контратак гитлеровцы имели перед фронтом 5-й гвардейской ТА 50 и более танков, большей частью — T-V «Пантера» дивизии СС «Дас Райх». Примечательно, что «пантеры» в оперативных документах армии, ее корпусов и бригад не были точно идентифицированы — определить их тип танкисты не могли. Скорее всего, это связано с тем, что частям 5-й гвардейской ТА не приходилось до этого с ними сталкиваться.

На остальных участках Степного фронта ситуация после 23 августа складывалась такая же: армии фронта уперлись в подготовленные рубежи обороны гитлеровцев и не могли их преодолеть — ни сходу, ни в ходе хорошо подготовленных атак. А приказы командования требовали от них одного: двигаться вперед, только вперед, и как можно быстрее!

(Это лишь в воображении и логике слабо информированных потомков, отродясь не видевших документов штаба генерала И.С. Конева, его армий, корпусов, бригад и дивизий, войска Степного фронта после освобождения Харькова «взяли», якобы, «оперативную паузу» — для отдыха войск, получения пополнений, подтягивания тылов и артиллерии, подвоза боеприпасов, дабы навалиться потом на захватчиков всей мощью. И дней, эдак, через пять-шесть, с новыми силами, обрушились на них и погнали дальше. Что еще можно было сказать и подумать, если в воспоминаниях полководцев после рассказа о событиях 23-го августа шли, как правило, сразу 28–29-е, а то и вообще — бои за выход к Днепру?! На деле было не так, и никакой «паузы» Конев и его войска не брали. Никто им этого тогда бы и не позволил.)

24 августа, в 15.00, И.С. Конев издал очередные (уже не поздравительные) приказы армиям Степного фронта. По прошествии десятилетий складывается впечатление, что он, не то что не понимал, а, мягко говоря, не совсем верно оценивал обстановку. Всем армиям приказывалось не стоять на месте, отдыхая после завершения труднейшей операции, а немедленно наступать! Указаны были задачи, направления и сроки:

• 53-й армии — наступать на Ударный–Барчаны–Караван (на запад, вдоль трассы Харьков–Полтава. И уже за Люботином, который к тому времени еще даже не был взят!);

• 69-й армии — выйти к исходу 26 августа на рубеж реки Мерефа (на юго-запад, на 15 километров вперед, вдоль трассы Харьков–Красноград. Но для этого надо было сначала сбить с позиций в Новой Баварии всю засевшую там крупную немецкую группировку!);

• 7-й гвардейской армии — выйти 26 августа к реке Мжа и занять все переправы южнее города Мерефа (продвинувшись для этого на 12–15 километров на юго-запад);

• 57-й армии — также выйти к реке Мжа, но еще восточнее;

• 5-й гвардейской танковой армии — выйти совместно с 53-й и 69-й армиями к Ракитному (т.е. совершить бросок на 15–20 километров на юго-запад. Вопрос: чем? Ибо танков в армии почти не осталось).

25 августа 5-я гвардейская танковая армия четвертый день продолжала вести бои за овладение Коротычем. И вновь — без успеха.

18-й танковый корпус, в котором еще накануне осталось всего шесть танков (менее одной танковой роты!), вообще никуда больше не наступал. Он лишь сковывал огнем немецкие части и держал оборону северо-западнее Коротыча (у платформы Берминводы и в 1 километре севернее платформы Рай-Еленовка), обеспечивая левый фланг наступления 29-го танкового и 5-го гвардейского мехкорпуса. И вел разведку, которая зафиксировала усиление обороны немцев: противник подтянул к месту боев артиллерию, танки, вел активные инженерные работы. Дополнительно выявлены были батарея шестиствольных минометов в хуторе Алешкин, минометная батарея на юго-западной окраине Песочина, дальнобойная артиллерия в Липовой Роще.

5-й гвардейский мехкорпус продолжал атаковать Коротыч и нисколько при этом не продвинулся. Все цели у противника были прежними. Единственное, что отметили наблюдатели, так это насчитали у немцев вдоль фронта корпуса до 47 станковых и ручных пулеметов. Авиация противника в составе 63-х самолетов бомбила боевые порядки корпуса. Атака Коротыча, предпринятая в 15.10 при поддержке артиллерии обездвиженного 18-го танкового корпуса, успеха не имела. Потери мехкорпуса составили за день 6 танков Т-34 и 90 человек личного состава [2, л. 255].

Из частей армейского подчинения странное (нелепое? правдивое? преувеличенное в оценке потерь, нанесенных противнику?) донесение прислал в этот день 53-й отдельный гвардейский танковый полк («герой» переправы через Уды 21 августа), стоявший в обороне севернее Коротыча. По их подсчетам, за три дня боев полк уничтожил 3 средних танка врага, 31 автомашину с грузами, 17 пушек и 154 солдата и офицера. Три истребленных танка — по одному в сутки! Своих танков потеряли при этом 9 (3 танка Т-34 были немцами подбиты, 5 — сожжены, один Т-70 пропал без вести), личного состава утрачено 27 человек. Там же занимал оборону и 1-й отдельный гвардейский мотоциклетный полк, потерявший за день 4 танка, 1 ленд-лизовский броневездеход М-2, 3 мотоцикла и 1 автомашину.

Потери армии за 25 августа составили 32 танка. Предполагалось, что кто-то, возможно, ведет бои в окружении в Коротыче. Но шансов уцелеть у них было мало…

Остальные армии Степного фронта никуда в эти сутки также не продвинулись. Более того, у хуторов Барчаны и Спартасы, где дивизия за дивизией, изо дня в день будут штурмовать занятые немцами высоты, погибнут сотни бойцов 53-й армии. И только 214-й стрелковой удастся к 28 августа закрепиться на выгодном рубеже (планировалось, что именно оттуда пойдут в атаку танки 5-й гвардейской танковой армии с задачей окружить немцев, обходя Мерефу с северо-запада). Выполнить боевой приказ штаба Степного фронта окажется намного труднее, нежели его написать.

И это был еще не конец. О каком завершении Белгородско-Харьковской операции (успешном, победном, триумфальном, с грандиозным салютом в столице) могла идти речь, если немцы и через двое (трое, четверо, пятеро) суток по-прежнему занимали часть Харькова, а их оборона не сдвинулась за эти дни ни на шаг?!

В воздухе господствовала авиация захватчиков, нещадно бомбя и штурмуя позиции и боевые порядки Красной Армии. 69-я армия Степного фронта шесть суток не могла выбить гитлеровцев из городского района Новой Баварии, а 53-й армии не удавалось освободить не только ближний пригород Харькова Песочин, но и пригород Минутка. Предпринимавшиеся оттуда контратаки врага доходили до Куряжанки, что угрожало уже НП командующего 53-й армией.

Куда девалось четырехкратное превосходство советской артиллерии? Где осталось умение создавать шестикратное преимущество в плотности огня, если немцы своим огнем постоянно и безнаказанно срывали атаки советских корпусов и дивизий?

Чем руководствовалось командование фронта, ставя изо дня в день 5-й гвардейской танковой армии задачу наступления на Бабаи, Буды и Мерефу, если армия была не в состоянии захватить даже Коротыч и совхоз Коммунар, застряв возле них на неделю? По мнению многих, отдаваемые в те дни недостаточно продуманные приказы отправляли на смерть тысячи советских солдат, бросали в атаки на неподавленную противотанковую оборону десятки танков, действовавших без достаточной артиллерийской поддержки и воздушного прикрытия.

Вопросы — жесткие и неудобные. И ответов на них до сих пор нет…

Не сгущаем ли мы краски в этом повествовании? Не тенденциозны ли в подборе и изложении фактов? Отнюдь! Во избежание кривотолков, во второй части книги публикуются документы августа 1943-го — свериться с ними, проверить даты, цифры и факты может каждый.

А что говорят об этом непосредственные участники боев — ветераны Великой Отечественной? Их воспоминания найти несложно: ряд местных военно-краеведческих сайтов уже давно их собирает и накапливает (к примеру, dalizovut.narod.ru/avg1943/sold_a43). Идея — хорошая, хотя в словах информантов есть, конечно, немало неточностей, слухов и даже вымысла: с Коневым в те дни лично встречался едва ли не каждый десятый! И не только в траншеях, но и «на крыше пятиэтажного дома в пригороде Харькова». Жаль, что домов таких в пригородах не было — нигде (за исключением района ХТЗ, где в 1930-е годы успели возвести четыре квартала 4-х

и 7-ми этажных зданий [31, с. 117]). Но в описании боев все ветераны на редкость единодушны: схватки тогда были жестокими и кровавыми.

Павел Рогозин, пехотинец, первый номер пулеметного расчета: «Атака на совхоз «Коммунар» — такой бой не забудешь. Шли мы 1,5 километра по пашне. Начался обстрел, мины и снаряды рвутся, а мы идем в полный рост. Взяли совхоз — сразу немецкая контратака. Шесть раз совхоз переходил из рук в руки. Всё вокруг было буквально завалено нашими и немецкими трупами. Мне в кисть левой руки попала пуля, раздробила кость. Перевязали наскоро, спросили «Воевать можешь?» Я головой кивнул, взял пулемет и пополз дальше. Все части перемешались, и оказался я среди солдат 252-й стрелковой дивизии…»

Юрий Поляновский, танкист 24-й гвардейской танковой бригады 5-го гвардейского мехкорпуса, командир Т-34: «Есть там село Коротыч и железная дорога на высокой насыпи. Обойти насыпь нельзя, так все шли через переезд. Как только выйдут за переезд — шлёп, машина «готова». На это место мой танк и попал, очередной жертвой. Переезд прошел. Меня предупреждали: по дороге не иди, там немецкие мины, — пошел я налево, обходить. Только начал обходить, мне в моторное отделение снаряд залепили. Дым пошел. Танк встал, а раз встал — значит, убьют. Дал команду: покинуть машину. Вылезли мы — и назад. Пришли к своим, а там контрразведчик спрашивает: «Сгорел танк или нет?» — «Вам-то, — говорю, — зачем?» — «А мы должны ночью посылать тягач, чтоб вытаскивать его. Если танк сгорел, то какой хрен его тащить? А не сгорел, тебя — под суд: бросил машину! Что будем делать?» Я говорю: «Ночью сам на передовую выйду, посмотрим, как он там себя чувствует». Полезли ночью, молим бога, чтоб танк сгорел, чтоб немцы его добили. Добили! Мы так и доложили.

Когда у нас на переезде в Коротыче танки гибли один за другим, дошло до того, что уже некого стало посылать. Командир бригады сказал: «Мой танк, командирский, пусть тоже в бой идет». Пошел на нем Саша Березин. Я ему: «Саша! Ни в коем случае по дороге не двигайся, хоть она и пустая, — взорвешься. Лучше справа иди. Я слева пробовал — меня подбили. Пробуй справа от дороги». Мы знали, что у него жена есть и ребенок маленький, даже комбрига просили. Саша пошел, да видно, вышел впереди на открытое шоссе и на фугас наскочил — танк взорвался. Потом уже, после боев, пошли мы, хотели тело найти. А оно такое сплющенное лежит… Ночью принял я танк вместо раненого командира. А в батальоне осталось 3–4 танка из 32-х! Сказали: «Пойдете поддерживать пехоту, исправные танки должны работать». Для этого все целые машины перебросили из нашей 24-й бригады в 25-ю, на пополнение…»

26 августа 5-я гвардейская танковая армия пятый день атаковала совхоз Коммунар. В боях танкисты понесли большие потери уже не только в танках и танковых экипажах, но и в старшем командном составе войск и штабов.

Причина состояла, очевидно, в практике боевого применения советских бронетанковых войск (как, впрочем, и других тоже). В сложных ситуациях, когда части несли значительные потери в комсоставе среднего звена (командиры экипажей, взводов, рот и батальонов) или действовали недостаточно эффективно, в их боевые порядки направлялись представители командования и штабов — оказать помощь,

осуществить контроль и лично возглавить действия подразделений в бою. Эффект от этого был не всегда, а вот потери в командном составе росли регулярно.

В танковой армии в этот день погибли командир 32-й танковой бригады полковник А.А. Линев и начальник оперативного отдела штаба 29-го танкового корпуса подполковник Лукашин. Контужен командир 53-й мотострелковой бригады подполковник Н.П. Липичев, ранен командир 110-й танковой бригады полковник М.Г. Хлюпин. Убиты начальник оперативного отдела штаба 53-й мотострелковой бригады капитан Клашинский и начальник разведки капитан Бабичев.

В первой половине дня нескольким экипажам удалось-таки прорваться в Коммунар, но к вечеру они были вынуждены отойти. Из-под Богодухова в армию вернулась еще одна — 25-я танковая бригада 29-го корпуса, в которой было всего 13 танков. Ей также поручили атаковать Коммунар и, развивая успех, двигаться потом на Буды и Мерефу.

Противник еще с ночи сосредоточил в роще восточнее Люботина до 65 тяжелых и средних танков и до батальона пехоты и в течение дня пять раз контратаковал оттуда позиции 29-го танкового корпуса, вводя одновременно в бой по 15-25 танков [2, л. 264]. Артиллерия немцев из Люботина и Коротыча плотно обстреливала советские позиции.

По данным разведки и штаба 53-й мотострелковой бригады, противник удерживал совхоз Коммунар силами 4-х танков «тигр», противотанковой артиллерией и автоматчиками. Мотострелки бригады находились при этом всего в пятистах метрах, а танки 32-й танковой бригады погибшего полковника А.А. Линева — в 900 метрах к северу от совхоза.

Наибольшие потери понес в этот день 29-й танковый корпус: 42 танка Т-34 и 4 танка Т-70, убито 84 человека, ранено 1632. Во всем корпусе на ходу оставалось танков Т-34 — 23, Т-70 — 5.

27 августа войска 5-й гвардейской танковой армии по-прежнему атаковали Коротыч, Коммунар и Рай-Еленовку. Попытки заканчивались ничем. Совхоз Коммунар в течение дня дважды переходил из рук в руки. Противник оборонялся там силами девяти танков, двух самоходных орудий и батальоном пехоты. Разведкой 18-го танкового корпуса были обнаружены 4 танка в засаде у хутора Богатый и 2 станковых пулемета у железнодорожного полотна на опушке рощи восточнее того же хутора. В 500 метрах южнее платформы Берминводы выявлены 2 «тигра» и 2 бронемашины, правее платформы — крупнокалиберный пулемет. Сил у 18-го танкового корпуса только на разведку и оставалось — в атаку он больше не ходил…

Атаковавший Коммунар 5-й гвардейский мехкорпус насчитывал всего 105 человек активных штыков, 9 танков Т-34 и 4 танка Т-70, орудий 76-мм — 22, 45-мм — 18, 85-мм — 4, самоходок Су-122 — 2, Су-76 — 2, реактивных установок БМ-13 — 7. (Примечательно, что до этого о существовании и действиях самоходно-артиллерийских орудий в донесениях штаба корпуса даже не упоминалось. Хотя соответствующий полк — 1447-й самоходно-артиллерийский — в составе корпуса был. Но не действовал! Четыре самоходки — это, по-видимому, всё, что оставалось к тому времени от

полка, в котором в начале Курской битвы насчитывалось 48 Су-122 и Су-76. Точно также и командарм Ротмистров в своих докладах «наверх» ни словом не упоминал о неудачных действиях армейского 53-го отдельного гвардейского танкового полка (хотя донесения из полка получал регулярно) и о самоходчиках. К 30 августа в составе его 5-й гвардейской танковой армии самоходок не будет значиться уже ни одной — сгорят все.)

К 19.00 5-й гвардейский мехкорпус полностью овладел совхозом Коммунар, но южнее продвинуться не смог, наткнувшись на сильную противотанковую оборону. Кроме того, немцы постоянно контратаковали тяжелыми «тиграми».

18-й танковый корпус, третьи сутки воевавший без танков (последние из них были переданы в 5-й гвардейский мехкорпус) и способный только обороняться, к концу дня был выведен из боя для пополнения материальной части.

«Неприступный» Коротыч части 5-й гвардейской танковой и 53-й армий атаковали в тот день слабо. Противник, соответственно, тоже из поселка активного огня не вел, а около 18.30 даже отвел от него в юго-западном направлении 17 танков [1, л. 244]. Где-то еще они были нужнее — немцы активно маневрировали наличными силами и огневыми средствами.

В штабе 5-й гвардейской ТА напрочь забыли уже об успехе недавнего стратегического прорыва в начале Белгородско-Харьковской операции и скептически оценивали возможность своего нового, «решительного броска» на гораздо меньшую глубину — к Будам и Мерефе. Какие «прорывы» и «броски»? В полосе всей армии уже который день шла жестокая, затяжная и малоуспешная борьба за ничтожные тактические цели и объекты поля боя. Задачи атак были предельно ограниченными: преодолеть железнодорожную насыпь, овладеть окраиной поселка, хутором, платформой или вдребезги разбитым совхозом.

Примером бесплодного топтания стала многодневная борьба за железнодорожную будку № 6 к западу от Коротыча, которую и на карте-то с трудом можно было найти. Будка стала символом и отражением сути боев танковой армии! О ней стоит рассказать чуть подробнее.

Первым в боях за будку отличился «болотный» 53-й отдельный гвардейский танковый полк. 27 августа он «овладел полотном железной дороги и будкой № 6», подбив при этом 2 тяжелых «тигра», 3 средних танка T-IV, одну самоходку и уничтожив до 50 солдат и офицеров врага (так, по крайней мере, значилось в боевом донесении). Сам полк потерял в бою всего два сгоревших Т-34, без потерь в личном составе, и окопался на занятых рубежах. Дело казалось сделанным: боевая задача успешно выполнена, объект взят! Но на следующий день, 28 августа, за ту же будку № 6 снова сражались, на сей раз — 32-я мотострелковая бригада полковника Хватова: *«части 32-й мсбр в 18.00 перешли в атаку, ведут гранатный бой за ж.д. будку, что западнее Коротич. Огнем из ПТР уничтожено 3 пулемета»* [2, л. 291]. А вот и следующее донесение, в 21.00: *«атака результатов не дала»* [2, л. 292]. Потери бригады — 26 человек убитыми и ранеными. 29 августа, с 5 часов утра, бригада вновь атакует ж.д. будку «6» западнее Коротыча. В 6.00 командир бригады отправит, наконец, радост-

ное донесение: *«В результате неоднократных атак, ж.д. будкой овладел...»* (!) [2, л. 297].

Командарм П.А. Ротмистров вновь жаловался в тот день командующему фронтом И.С. Коневу на пехоту 53-й армии, которая (как когда-то в Пересечной) «окопалась» на шоссе Люботин–Песочин и не делает оттуда ни шагу. Танкисты же в это время ходили в атаки, устилая поля своими и чужими телами и намертво застывшими и сгоревшими танками. А из Люботина, не взятого армией И.М. Манагарова, немцы постоянно их обстреливали и контратаковали во фланг. Бои за Люботин уже который день вели две дивизии 53-й армии — 84-я Харьковская стрелковая полковника П.И. Буняшина и 252-я Харьковская стрелковая генерал-майора Г.И. Анисимова. Претензии Ротмистрова были адресованы именно им.

Немецкое командование волновали в тот день проблемы более глобальные. В ставке Гитлера в Виннице фельдмаршал Манштейн докладывал фюреру о потерях группы армий «Юг» и просил разрешения на отвод войск из Донбасса и из района Харькова: «Я сделал вывод о том, что мы не можем удержать Донбасс имеющимися у нас силами, и что еще бóльшая опасность для всего южного фланга Восточного фронта создалась на северном фланге группы. 8-я и 4-я танковая армии не в состоянии долго сдерживать натиск противника в направлении к Днепру» [20, с. 466].

28 августа войскам 5-й гвардейской танковой вновь поставили задачу атаковать противника из Коммунара к Будам. Но армия в этот день не столько наступала (или пыталась это делать), сколько оборонялась — немцы постоянно ее контратаковали. Противостоявшая танкистам Ротмистрова танково-гренадерская дивизия СС «Дас Райх» все еще имела в строю более 30 танков, из них 6 «тигров», остальные — «пантеры».

29-й танковый корпус пытался вести наступление с западной окраины Коммунара в направлении железнодорожного полотна и Буд. В утреннюю атаку ходили 9 танков 32-й и 31-й танковых бригад (25-я танковая бригада, имевшая 12 Т-34 и 2 Т-70, находилась в резерве у станции Шпаковка). Затем противник шесть раз в течение дня контратаковал группами в 15–25 танков при поддержке батальона пехоты и сильного артогня. В итоге, корпус не сдвинулся с места. Потери составили 4 танка Т-34 (3 сожжено, 1 подбит), 37 убитых и 132 раненых. Согласно боевому донесению, корпусом в этот день уничтожено 13 средних танков, 11 орудий разного калибра, 9 пулеметов, 7 автомашин с грузами, 250 солдат и офицеров врага.

5-й гвардейский мехкорпус весь день пытался атаковать и захватить высоту 200,0. Противник отвечал сильным артиллерийско-минометным огнем со всех направлений: с высоты 200,7, из леса южнее Коммунара, с западной окраины Коротыча и с самой высоты 200,0. Потери корпуса — 3 танка Т-34, 2 танка Т-70, 49 человек убитыми и ранеными.

К 24.00 во всей 5-й гвардейской танковой армии оставалось 50 танков (бóльшая часть их была подбита и использовалась в качестве неподвижных огневых точек). В наличии было менее 50% артиллерии и 10% мотопехоты.

(Сегодня находится достаточно жаждущих пересчитывать не столько свои, сколько вражеские потери, сверяя данные советских донесений с ведомостями немецких отчетов, ставших доступными. Результатом обычно является неприкрытое злорадство: вот, мол, как в советских штабах постоянно преувеличивали свои победы и завышали гитлеровские потери! То же можно сказать и о противнике: приврать там любили не меньше нашего. Но доля истины в этом есть. Если по советским донесениям сосчитать потери врага в боях 21–29 августа, то получится, что танкисты 5-й гвардейской танковой армии дважды уничтожили все имевшиеся в наличии танки дивизий СС «Викинг» и «Дас Райх», после чего у немцев на 30 августа оставалось еще 30 неизвестно откуда взявшихся танков. А «насчитанные» потери вражеской артиллерии в 2,5–3 раза превышали численность всего, что у противника тогда было. Вечная проблема всех войн и армий, а равно — политиков, статистиков, аналитиков и счетоводов всего мира…)

В действиях остальных армий Степного фронта в тот день наметились позитивные сдвиги (по-настоящему они проявятся на следующий день). Некоторый успех в продвижении на Мерефу был достигнут в полосе 7-й гвардейской армии М.С. Шумилова. По приказу Конева, сюда, для развития успеха наступления, начали спешно выдвигать 72-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Но дальнейшего продвижения не случилось.

Части 69-й армии, сумевшие накануне форсировать на некоторых участках реку Уды и овладеть в юго-западных пригородах Харькова селом Гуки и станцией Минутка, отбивали контратаки гитлеровцев, стремившихся вернуть утраченный рубеж.

По официальной статистике, именно 28 августа советскими войсками был освобожден ряд пригородных населенных пунктов: западнее Харькова — Коротыч, юго-западнее — Бабаи и поселок Высокий, к югу от Харькова — поселок Хорошево. К датам этим все давно привыкли. Но по документам — это произойдет лишь на следующий день, 29 августа.

А 28-го фронтовая разведка доложит о том, что немцы готовятся атаковать 29 августа позиции советских войск в Харькове и пригородах, с главным ударом с юга — из районов железнодорожной станции Основа и нынешнего аэропорта. Командующий Степным фронтом И.С. Конев тут же поставил 69-й армии В.Д. Крюченкина задачу: подготовиться к жесткой обороне, с выдвижением на угрожаемый участок дополнительной противотанковой артиллерии и установкой противотанковых мин. Одновременно он создавал свой резерв в составе 89-й гвардейской и 107-й стрелковых дивизий, которые выводил из Харькова в Дергачи и Черкасскую Лозовую.

29 августа, на рассвете (точнее — еще до его наступления, в темноте, фактически — в ночь с 28-го на 29-е), гитлеровцы действительно атаковали позиции 69-й армии на южной окраине Харькова. И довольно успешно! Линия обороны советских войск была прорвана. Ударная группа танков и мотопехоты устремилась вглубь города по Змиевскому шоссе (нынешнему проспекту Гагарина), прямо выводящему с юга в центр Харькова.

Немцев было немного — боевая группа численностью не более батальона, но эффект от их действий оказался громким и неожиданным даже для них самих. Ревя моторами и гремя гусеницами, ведя огонь из пушек, пулеметов и автоматов, захватчики неслись по одной из главных магистралей Харькова, погруженного в непроглядную тьму (электричества в городе не было), притихшего и безлюдного (действовал комендантский час). Их бешеная, всё приближающаяся стрельба слышна была даже в центре, до которого оставалось рукой подать. Этого немцы и добивались: запугать, посеять панику, ввести в заблуждение относительно истинной своей численности и намерений. Забившихся в дома и квартиры, разбуженных среди ночи жителей начала бить нервная дрожь: «Неужели вновь, как и пять месяцев назад, гитлеровцам удастся захватить город? Снова вернутся оккупация, страх, месть и террор?..»

На подходах к железнодорожной станции Харьков–Левада, в районе современного автовокзала, немцев остановил огонь выдвинутого им навстречу противотанкового резерва и автоматчиков. Боевая группа противника была блокирована и почти полностью уничтожена. Ее остатки стремительно ушли на юг. В городе снова воцарилась тишина.

К вечеру стало очевидно, что ночные вылазки — лишь отвлекающий маневр для обеспечения отступления войск из Харькова и пригородов. Немцы вновь, по собственной инициативе, начали организованный отход, на сей раз — на хорошо укрепленный рубеж обороны по рекам Мерефа и Мжа. В штабе 69-й армии В.Д. Крюченкина это опишут так:

«Противник, прикрываясь арьергардами 106-й и 320-й пехотных дивизий, отходил в юго-западном направлении на рубеж р. Мерефа, где встретил наши наступающие части массированным артминогнем и остановил дальнейшее наше продвижение.

Занимаемый противником рубеж по юго-восточному берегу р. Мерефа имел подготовленные траншеи, проволочные заграждения в два кола, минные поля. По показаниям местных жителей, оборонительные работы велись с 15.8.43 г.

Бои на этом рубеже велись с 29.8 по 4.9. Особенно ожесточенный характер они приняли за Буды. Неоднократные наши атаки отражались артиллерийским и минометным огнем противника и успеха не имели…» (См. Документ 23).

Армии Степного фронта вели преследование отступающего врага. К вечеру этого дня, не встречая значительного сопротивления, они освободили Люботин (город был взят полками 84-й и 252-й Харьковских стрелковых дивизий), Песочин, станцию Берминводы, Березовое, Покотиловку, Южный, Высокий, Гиевку, Новую Баварию и станцию Основа.

Пришел конец и эпопее взятия поселка Коротыч. Остатки 5-й гвардейской танковой армии с самого утра вели бой за него и за полотно железной дороги южнее совхоза Коммунар. К обеду стало ясно, что противник организованно отходит, так как танкисты с боями, но достаточно легко вышли на юго-западную окраину Коротыча и уже оттуда пытались вести наступление на Буды, где встретили ожесточенное сопротивление. В лесу севернее Буд удалось захватить 50 пленных из дивизии СС «Дас Райх», которые не знали об отступлении и отстали от своих. Советские офицеры успели взять в этой группе контрольных пленных, остальных эсэсовцев расстреляли

танкисты 29-го танкового корпуса. Пленные сообщили о том, что в танковом батальоне их дивизии осталось 30 танков (из них 10 — T-VI «Тигр»), а в полках — по 80–100 солдат [1, л. 264]. (О безлюдье в полках пленные, спасая жизнь, приврали, сказав то, что от них хотели услышать. А по танкам были близки к истине. От 71 «пантеры» «Дас Райх» за неделю боев остались рожки да ножки: в строю — 21, в ремонте — 40, безвозвратно потеряно и списано в утиль — 10 [30, с. 333; 15, с. 416].)

32-я мотострелковая бригада с 5.00 атаковала «легендарную» железнодорожную будку № 6 западнее Коротыча и уже через час, после неоднократных атак, ею овладела [2, л. 297]. К 13.00 бригада занимала оборону на высоте 182,8 и вела разведку в направлении Комаровка, хутор Озеряны, Верхняя Озерянка.

Армейский 53-й отдельный гвардейский танковый полк продвинулся за день на 5 км к югу от Коротыча с безвозвратной потерей десяти танков Т-34.

Не обошлось без накладок. После одной из них начальник штаба 5-й гвардейской танковой армии генерал-майор Баскаков направил командарму Ротмистрову донесение о том, что в 9.30, когда наши танки вели бой за переправу в Будах, штурмовики Ил-2, по ошибке, ударили по своим. Во избежание повторения досадных недоразумений, неизбежных в быстро меняющейся обстановке, Баскаков просил не разрешать летчикам бомбить Буды. Однако на следующий день лётчики-штурмовики вновь «отличились», атаковав в 12.30 станцию Должик, в результате чего погиб один человек из 18-го танкового корпуса и сгорели два грузовика [2, л. 317].

К 12.00 25-я танковая бригада 29-го танкового корпуса очистила Буды от противника. Далее планировалось продолжить наступление на Мерефу. Неожиданно к мосту через реку Мерефа подошла колонна немецких танков, которые в скоротечном бою сожгли 7 «тридцатьчетверок», взорвали мост и отступили на юго-восток. Берег реки Мерефа был гитлеровцами заминирован, на противоположном берегу они оборудовали мощные противотанковые позиции. К концу дня все выходившие из ремонта танки 29-го корпуса направлялись уже только в 25-ю бригаду, ей же были передана вся уцелевшая мотопехота, всего: Т-34 — 8, Т-70 — 2, мотопехоты — 15 человек. В 53-й мотострелковой бригаде корпуса оставалось 68 активных штыков, 76-мм орудий — 7, 82-мм минометов — 8, 120-мм минометов — 3. В 108-м истребительно-противотанковом полку — 16 орудий 76-мм. В 27-м минометном полку — 23 миномета калибра 120 мм. В 747-м отдельном истребительно-противотанковом дивизионе — 8 орудий калибра 85 мм [2, л. 307].

5-й гвардейский механизированный корпус в течение дня атаковал Коротыч и к 19.30 вышел к Будам, перейдя частью сил на западный берег реки Мерефа. В составе корпуса числилось всего 76 человек активных штыков, танков Т-34 — 13, Т-70 — 5. Именно ему к концу дня будут переданы все танки и артиллерия 5-й гвардейской танковой армии. 5-й мехкорпус останется единственным соединением армии, продолжавшим вести активные боевые действия (18-го танкового корпуса армия лишилась еще 27 августа, теперь вслед за ним последовал 29-й танковый). Но и 5-му механизированному находиться на фронте придется недолго — всего несколько дней.

В непосредственном соприкосновении с 5-й гвардейской танковой армией, за ее левым флангом, наступали в этот день войска 69-й армии В.Д. Крюченкина. Его ди-

визии атаковали и освободили под Харьковом ряд населенных пунктов: 183-я стрелковая — поселок Южный, 94-я гвардейская стрелковая — поселок Зеленый Гай, 305-я стрелковая и 93-я гвардейская стрелковая — село Комаровку, 107-я и 116-я стрелковые — Буды.

Но главная задача дня, поставленная штабом фронта перед войсками 5-й гвардейской танковой и 69-й армий: выйти к Старой Водолаге с захватом переправ на реке Мжа — выполнена не была.

Не смогли выполнить в полном объеме поставленные задачи и другие армии: 53-я безрезультатно наступала на Огульцы, 7-я гвардейская — на Новую Водолагу, 57-я армия — на Новую Водолагу и Рябухино. Этих целей они не достигнут и в последующие дни и недели (Огульцы освободят 8 сентября, Новую Водолагу — 14-го).

30 августа в 21.25 командующий войсками Степного фронта генерал армии И.С. Конев передал всем командармам сообщение о том, что противник, возможно, в ночь с 30 на 31 августа вновь начнет организованно отходить. А значит, его необходимо будет неустанно и безостановочно преследовать. Приказ от 29 августа и обозначенные в нем цели и задачи оставались для всех армий в силе. Но выполнять их придется уже в сентябре — долго, с тяжелыми боями, оплачивая дорогой ценой.

Освобождение Харьковской области завершится почти через месяц — 20 сентября 1943 года. В этот день Красная Армия освободит от захватчиков последние населенные пункты на юго-западе Харьковщины — железнодорожные станции Балки, Розживеевка, Константиноград, Кумы и прилегающие к ним хутора и села Красноградского района. Зафиксировано это «20 сентября» будет во всех справочниках, изданных в советское и постсоветское время (в 1963, дважды в 1965, в 2005 годах [22, 23, 24, 32]).

Дату эту, в отличие от 23 августа — Дня освобождения Харькова, в области в течение шести с лишним десятилетий отмечать не будут. Ни громко, ни скромно — никак! Уж больно нагляден был разрыв между августом и сентябрем. И не хотелось отвечать на неудобные, но естественно возникающие вопросы: «Как же так? Почему так долго? Ведь каждый год, в августе, нам напоминают о том, что гитлеровцы были разгромлены на Курской дуге, а затем наголову разбиты под Харьковом, в ходе его освобождения. И после этого — еще месяц жесточайших боев? Разбитые и разгромленные армии так не воюют. Что-то здесь не то!..»

Лишь несколько лет назад депутаты Харьковского областного совета восстановили справедливость и официально учредили «День освобождения Харьковской области». Но с датой ошиблись! То ли информаторы, готовившие соответствующую справку, оказались непрофессионалами и этим всех подвели, то ли просто хотелось новые торжества к выходным дням того года приурочить, но факт остается фактом: День своего освобождения Харьковская область уже который год отмечает досрочно — 19 августа! И дату менять, судя по всему, не будут. Равно как и дату полного освобождения Харькова (29 августа) никогда не отметят…

В сентябрьских боях на Харьковщине истощенные остатки танковых армий (1-й танковой М.Е. Катукова и 5-й гвардейской танковой П.А. Ротмистрова) участия не примут: 2–10 сентября их выведут из боев и отправят в резерв, а затем — на переформирование.

Армия Катукова потеряла в Белгородско-Харьковской операции (3–23 августа 1943 года) почти 100% своих танков. Ротмистрову она обошлась в 324 безвозвратно потерянных и 110 подбитых, а последняя декада сражения (21–31 августа) — еще в 129 безвозвратно утраченных машин: 114 Т-34 и 15 Т-70 [15, с. 415]. А главное — были потеряны опытнейшие боевые кадры танкистов (танки можно будет прислать новые, а вот людей — не вернуть…). Восстанавливать ударный потенциал придется долго: даже через полтора месяца, в октябре 1943-го, армия Ротмистрова будет насчитываться всего триста танков вместо положенных по штату шестисот, самоходно-артиллерийских установок не поступит ни одной, а 5-й гвардейский мехкорпус будет оставаться вообще без техники. Не закончив формирования, армия вновь пойдет в бой, теперь уже — за расширение плацдарма на Днепре юго-восточнее Кременчуга [12].

За декаду боев после освобождения Харькова (23–31 августа 1943 года) потери армий Степного фронта составили 33 799 человек убитыми и ранеными:

53-я армия	–	11 248 человек,
57-я армия	–	8 432 человека,
69-я армия	–	4 434 человека,
7-я гвардейская армия	–	5 842 человека,
5-я гвардейская танковая армия	–	3 843 человека.

Большинство из них погибло и получило ранения на ближних и ближайших подступах к городу. Именно они (известные и оставшиеся неизвестными) покоятся в братских могилах, густо усеявших окрестности Харькова в августе 1943-го. Нет вблизи города сел без братских могил! Церковь до сих пор есть не в каждом, а братские могилы советских воинов — есть везде… И ни уйти от этого, ни забыть…

Именно это толкает часть радикально настроенных исследователей к не менее радикальным выводам. Озвучивать их не хочется, но придется: «Славный полководец Конев, мастер обходных маневров, утопил пригороды Харькова в крови наших солдат и офицеров и не уничтожил немецкую группировку, которая планомерно отходила потом до самого Днепра. Тем не менее, его имя носят на Харьковщине высота и расположенный на ней мемориальный комплекс. Сооруженный там музей посвящен славным победам Красной Армии и наполнен громом фанфар, а, по идее, должен быть проникнут тихой скорбью, печалью утрат и вечной памятью о десятках тысяч солдатских жизней, трагически оборванных войной».

Доля истины в этих словах есть. Начиная возводить в 2003–2004 годах музей «Харьковщина в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», губернатор Харьковской области Е.П. Кушнарёв, сын солдата-фронтовика, подчеркивал: «Мы создаем этот музей в память о тяжелейшем, трагическом периоде в истории нашего края, города и страны, в память о безмерных страданиях и жертвах, принесенных народом

и армией на алтарь Победы. Внуки, правнуки и все, кто придет за ними, должны не просто увидеть там минувшую войну, а почувствовать ее страшную суть, сердцем понять горе и ужас, в которых наши земляки жили изо дня в день, выстояли и, в конечном итоге, победили. Без этого мы не воспитаем истинного уважения к прошлому и подвигу людей, которые своей кровью, мужеством и жизнью отстояли наши жизни, мир и свободу будущих поколений». Речь, в том числе, шла и о жестокой цене августа 1943-го…

Потери захватчиков были на Харьковщине, к сожалению, несопоставимы с утратами Красной Армии, особенно в период 23–31 августа. Гитлеровцы отступали организованно и теряли, по их меркам, немало. От их июльской 1,5-тысячной ударной танковой группировки и многочисленных августовских боевых танковых групп в строю к концу месяца оставались сущие крохи. В 8-й немецкой армии (бывшей оперативной группе «Кемпф») к 30 августа 1943 года на ходу были всего две сотни танков и штурмовых орудий (См. Таблицу 8) [30, с. 332]:

Таблица 8

Наличие танков и штурмовых орудий в 8-й армии вермахта на 30 августа 1943 г.

Наименование соединений	Боеспособные		В ремонте		Всего	
	танки	штурм. орудия	танки	штурм. орудия	танки	штурм. орудия
3-я тд	30	–	58	–	88	–
6-я тд	6	–	48	–	54	–
7-я тд	17	–	44	–	61	–
СС Дас Райх	22	22	138	6	160	28
СС Мертвая голова	31	15	124	17	155	32
СС Викинг	27	4	20	–	47	4
503-й тяж. танк. бат-н	25	–	17	–	42	–
228-й д-н штурм. орудий	–	2	–	21	–	23
905-й д-н штурм. орудий	–	4	–	26	–	30
393-я рота штурм. орудий	–	–	–	7	–	7
Итого	**158**	**47**	**449**	**77**	**607**	**124**

В 4-й танковой армии врага — и того меньше, чуть больше сотни (См. Таблицу 9) [30, с. 332]:

Таблица 9

Наличие танков и штурмовых орудий в 4-й танковой армии вермахта на 31 августа 1943 г.

Наименование соединений	Боеспособные		В ремонте		Всего	
	танки	штурм. орудия	танки	штурм. орудия	танки	штурм. орудия
11-я тд	31	–	46	–	77	–
19-я тд	9	–	30	–	39	–
Великая Германия	21	19	85	10	106	29
52-й танковый бат-н	15	–	45	–	60	–
911-й д-н штурм. орудий	–	10	–	6	–	16
Итого	***76***	***29***	***206***	***16***	***282***	***45***

Стратегическая инициатива была окончательно вырвана летом 1943-го из рук нацистов. Гитлеровская Германия уже никогда не сможет организовать и провести крупных наступательных операций, масштабы и степень организации которых хотя бы отдаленно напоминали битву под Курском.

Жаркий август, наполненный тяжелыми боями и победами, неудачами и утратами, подошел к концу. Вместе с ним заканчивалось лето 1943 года, вошедшее в историю Великой Отечественной войны яркой победой Красной Армии в жесточайшем сражении на Курской дуге, освобождением важнейших городов СССР — Орла, Белгорода, Харькова, тысяч других населенных пунктов и миллионов наших соотечественников. Впереди было освобождение Донбасса и всей Левобережной Украины, форсирование Днепра и два завершающих года Второй мировой войны…

Работая над этой книгой, авторы менее всего пытались кого-то в чем-то убедить или переубедить. В большей степени мы надеялись подвигнуть читателя к немодной ныне работе мысли, к размышлениям о том, что кажется давно и хорошо известным, а на деле — хранит немало тайн и открытий.

Кто-то, взяв книгу, одолеет в ней лишь эту вступительную статью. Другие вчитаются в текст документов и почувствуют боль и трагедию людей 40-х годов. Некоторые, по привычке, будут со всем не соглашаться и всё опровергать. В том и состоит нескончаемая драма минувшей войны, которая догоняет уже третье и четвертое послевоенные поколения, а значит — не закончилась до сих пор…

Как говорил и пел в год 40-летия Победы Андрей Макаревич:

Я не видел войны — я родился значительно позже.
Я ее проходил, я читал про нее с детских лет.
Столько книг про войну, где как будто все очень похоже:
Есть и это, и то… Только самого главного нет…

Главного и не будет, потому что оно у каждого — своё.

У одних — это память о Великой Отечественной, навсегда врезавшийся в душу вой «юнкерсов», грохот снарядных разрывов, Брест и Ленинград, горящие поля Украины, леса и болота Белоруссии, обглоданный купол Рейхстага и триумфальный Парад Победы, мурашки по спине от чеканных аккордов «Священной войны» и спазм в горле от песен Марка Бернеса…

У других — это «мирные» десятилетия давно закончившейся Третьей мировой («холодной») войны, Карибский кризис, джунгли Вьетнама и пески Синая, вахты и боевые дежурства, походы в океан на атомных подводных и многочасовые полеты на тяжелых стратегических, «Пятьдесят Хиросим» и «Девятый отсек» в дембельских и курсантских альбомах…

У третьих — это необъявленная Афганская, боль Шинданда, Герата и Кандагара, «вертушки» и «стингеры», «зеленка» и горящие бензовозы, перевал Саланг и мост через Аму-Дарью, «Черный тюльпан» с телами солдат, павших вдали от Родины, «Голубые береты» и щемящая струна Александра Розенбаума…

У самых молодых (за пределами Украины) — первая, вторая и третья Чеченские, блокпосты и бои в Грозном, операции в Дагестане, «мухи», фугасы и растяжки, «9-я рота» Федора Бондарчука и «Комбат» Николая Расторгуева…

И важно всегда одно: ЧТОБЫ ПОМНИЛИ…

В. Вохмянин, А. Парамонов

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ЦАМО РФ. Фонд УФ; оп. 2779, ед. хр. 40.
2. ЦАМО РФ. Фонд 5 гв. ТА, оп. 4949, ед. хр. 71.
3. Фонд документов Харьковского исторического музея.
4. Белгородская область / Сост. Н. Кузнецов, К. Новоспасский. — Воронеж: Центр.-Черноземное книжное изд-во, 1979.
5. Бешанов В.В. Год 1943-й — «переломный». — М.: Яуза, Эксмо, 2008.
6. Битва под Курском: Краткий очерк. — М.: Воениздат НКО, 1945.
7. Боевой состав Советской Армии. Ч. III (январь — декабрь 1943 г.) / Ответ. ред. генерал-лейтенант танковых войск Г.Т. Завизион. — М.: Воениздат, 1972.
8. Борисова Т.М., Дяченко М.Т., Уманський М.В. Історичні та пам'ятні місця Харківщини. — Харків: Прапор, 1966.
9. Василевский А.М. Дело всей жизни. — М.: Политиздат, 1974.
10. В боях за Харьковщину: Воспоминания участников Великой Отечественной войны. Изд. 3-е, испр. и доп. — Харьков: Прапор, 1973.
11. Гладков Н.Н. Боевые действия 20-го гвардейского стрелкового корпуса под Ахтыркой // Военно-исторический журнал, 1987, № 8, с. 46-51.
12. Егоров П.Я., Кривоборский И.В., Ивлев И.К., Рогалевич А.И. Дорогами побед. Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. — М.: Воениздат, 1969.
13. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 3. — 10-е изд., доп. по рукописи автора. — М.: Изд-во «Новости» (АПН), 1990.
14. Жуков Ю.А. Люди 40-х годов. Записки военного корреспондента. — М.: Советская Россия, 1969.
15. Исаев А.В. «От Курска и Орла война нас довела…» — М.: Яуза; Эксмо, 2012.
16. Кларк А. Величайшая танковая битва в истории // От «Барбароссы» до «Терминала»: Взгляд с Запада / Сост. Ю.И. Логинов. — М.: Политиздат, 1988. — С. 261-291. (Перевод из Clark A. «Barbarossa». The Russian-German Conflict 1941–1945. London, 1965).
17. Книга Пам'яті України. Харківська обл. Т. 7: Зміївський, Золочівський, Ізюмський райони. — Харків: Наукова редакція Харківського обласного видання Книги Пам'яті України, 1995.
18. Книга Пам'яті України. Харківська обл. Т. 18: Визволителі Харківщини. — Харків: Обласна пошуково-видавнича наукова редакція Книги Пам'яті України, 2001.
19. Конев И.С. Записки командующего фронтом. 1942–1945. — К.: Политиздат Украины, 1987.
20. Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем. — М., 1957.
21. Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1941–1943. Воспоминания командарма. — М.: Наука, 1973.
22. Немецко-фашистский оккупационный режим (1941-1944): Сборник документов. — М.: Политиздат, 1965.

23. Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні: Збірка документів і матеріалів. - К.: Політвидав, 1963.
24. О доблести, о подвигах, о славе: К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне / сост. А.В. Меляков; Редкол.: Л.С. Сорока (гл. ред.) и др. — Харьков: Золотые страницы, 2005.
25. Отечественная артиллерия. 600 лет / Г.Т. Хорошилов, Р.Б. Брагинский, А.И. Матвеев и др.; Под ред. Г.Е. Передельского. — М.: Воениздат, 1986.
26. Пономаренко Р. Бои за Харьков в августе 1943 года: к истории одного военного мифа // Арсена-Коллекция, 2012, № 5. — С. 22-27.
27. Прокофьева Е.Ю., Пенской В.В., Пенская Т.М., Чиченков А.П., Козуб И.И. Курская битва (5 июля — 23 августа 1943 г.). Учебное пособие. — Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 1998.
28. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
29. Ротмистров П.А. Стальная гвардия. — М.: Воениздат, 1984.
30. Томзов А. Потери бронетехники группы армий «Юг» в Курской битве // Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943: Сборник / А. Исаев, В. Гончаров, И. Кошкин, С. Федосеев, Д. Козырев; ред.-сост. В. Гончаров. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — С. 312-334.
31. Харьков: Архитектура, памятники, новостройки: Путеводитель / [Б.Г. Клейн, И.Н. Лаврентьев, А.Ю. Лейбфрейд и др.; Сост.: А.Ю. Лейбфрейд, В.А. Реусов, А.А. Тиц]. 2-е изд., испр. и доп. — Харьков: Прапор, 1987.
32. Харьковщина в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1943 гг.): Сборник документов и материалов / Под ред. В.В. Тесленко. — Харьков: Прапор, 1965.
33. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. — М.: Воениздат, 1968.

НАМ ЕСТЬ, КОГО ПОМНИТЬ И КЕМ ГОРДИТЬСЯ

ВОХМЯНИН В.К.:

Бабушка: ***ИГНАТЕНКО Ольга Ивановна (1900–1985)*** — в армии добровольно с июля 1941 г. С июля 1941 по апрель 1943 гг. — в войсках 22-й армии Западного и Калининского фронтов. Демобилизована после тяжелой контузии. Награждена медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Отец: ***ВОХМЯНИН Константин Афанасьевич (1913–1973), мать: ВОХМЯНИНА (ИГНАТЕНКО) Тамара Моисеевна (1925–2003)*** — в 1941–1944 гг. работали в г. Киров на танковом заводе № 38, выпускавшем легкие танки Т-60, Т-70 и САУ Су-76; в 1944–45 гг. — в Харькове на танковом заводе № 75. Награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Дядя: ***РОЗАНОВ Евгений Данилович (1922–1998)*** — призван 20 июля 1941 г. в Кременчуге. Курсант 7-й роты 2-го батальона Харьковского пехотного училища. На фронте с 29 августа 1941 г. в Отряде особого назначения Харьковского военного округа («отряд генерала Чеснова») в 40-й армии Юго-Западного фронта. В боях получил пулевое ранение в ногу, попал в плен, содержался в лагерях военнопленных.

Тетя: ***ИГНАТЕНКО Валентина Моисеевна (1923–2013)*** — в 1941–1943 гг. работала на танковом заводе № 38 в г. Киров. Призвана 7 марта 1943 г. Окончила Калининское военное училище химической защиты. Младший лейтенант, командир взвода аварийно-восстановительной роты 387-го отдельного батальона МПВО НКВД СССР в г. Сталино (Донецк). Награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

ПАРАМОНОВ А.Ф.:

Дед: ***ПАРАМОНОВ Пётр Макарович (1911–1943)*** — призван в сентябре 1943 г. Рядовой, стрелок 178-го гвардейского стрелкового полка 58-й гвардейской стрелковой дивизии. Убит 30 декабря 1943 г. прямым попаданием мины. Похоронен в с. Луганка Петровского района Кировоградской области.

Дед: ***НОВИКОВ Дмитрий Борисович (1914–2001)*** — кадровый военный. Майор, заместитель командира 929-го стрелкового полка 254-й стрелковой дивизии. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Бабушка: ***НОВИКОВА (МИХАЙЛОВА) Мария Ивановна (1922–2005)*** — старший военфельдшер санитарной роты 929-го стрелкового полка 254-й стрелковой дивизии.

Брат деда: НОВИКОВ Андрей Борисович (1912– ?) — призван 26 сентября 1941 г. Рядовой. Пропал без вести под г. Чугуев Харьковской области в 1941 г.

Сестра бабушки: МИХАЙЛОВА Пелагея Ивановна (1920–1989) — младший сержант, сапер-минер 1-й инженерно-саперной бригады Волховского фронта и 78-го инженерно-саперного батальона. Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

ПОДОПРИГОРА А.И.:

Дед: ПОДОПРИГОРА Пётр Захарович (1911–1983) — сержант, командир отделения роты связи 1144-го стрелкового полка 340-й Сумско-Киевской Краснознаменной стрелковой дивизии. Награжден медалью «За отвагу».

Дед: ПИЛЬЧУК Владимир Леонтьевич (1898–1943) — старший политрук, замполит сторожевого корабля «Петраш» Черноморского флота. Погиб вместе с кораблем, торпедированным вражескими катерами 7 августа 1943 г. у мыса Чуговкопас юго-восточнее Туапсе. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й ст.

Бабушка: ПИЛЬЧУК Нина Матвеевна (1912–1984) — в 1942–1946 гг. вольнонаемный писарь 43-го запасного стрелкового полка 5-й запасной стрелковой бригады. Награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Двоюродный дед: КРЮК Константин Иванович (1923–1988) — лейтенант, командир пулеметного взвода 1-й гвардейской стрелковой бригады. В июне 1942 г., после тяжелого ранения, назначен командиром взвода 29-го отдельного батальона выздоравливающих 5-й запасной стрелковой бригады. Награжден орденом Красной Звезды.

Дядя: МАТЯКИН Фёдор Тихонович (1926–1993) — рядовой, телефонист взвода управления артиллерийской батареи 887-го стрелкового полка 211-й Черниговской Краснознаменной стрелковой дивизии. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

Дядя: КОЛОЯРЦЕВ Александр Александрович (1927–1994) — в 1941–1943 гг. подростком пережил оккупацию Харькова. В 1943 г., 15-летним, сбежал на фронт, сын полка. Сержант, техник самолета 5-й воздушной армии. Награжден медалью «За боевые заслуги».

ОНИ ЧЕСТНО ВОЕВАЛИ, СЛУЖИЛИ И РАБОТАЛИ ВО ИМЯ РОДИНЫ И ПОБЕДЫ!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

акт.	*активных*
артбатарей	*артиллерийских батарей*
артминогонь	*артиллерийско-минометный огонь*
безим.выс.	*безымянная высота*
б/к	*боекомплект*
ВГК	*Верховного Главного Командования*
ВРИД	*временно исполняющий должность*
выс.	*высота*
гв.мбр	*гвардейская механизированная бригада*
гв.сд, гсд	*гвардейская стрелковая дивизия*
ген.	*генерал*
ГЗМК, Гв.ЗМК	*гвардейский Зимовниковский механизированный корпус*
гсд	*горнострелковая дивизия*
ГСМ	*горюче-смазочных материалов*
ГТА, Гв.ТА	*гвардейская танковая армия*
гтп	*гвардейский танковый полк*
ГШКА	*Генеральный штаб Красной Армии*
ж.д.	*железная дорога*
ЗА	*зенитная артиллерия*
запр.	*заправка*
ИПТАП	*истребительно-противотанковый артиллерийский полк*
искл.	*исключая*
клм., км	*километр*
КП	*командный пункт*
мин.	*минометный*
минполк	*минометный полк*
мк	*механизированный корпус*
мсбр	*мотострелковая бригада*
мспб	*моторизованный стрелково-пулеметный батальон*
НП	*наблюдательный пункт*
ОГКМЦП	*отдельный гвардейский Краснознаменный мотоциклетный полк*
окр.	*окраина*
ОКШР	*отдельная кабельно-шестовая рота*
опс	*отдельный полк связи*
отп	*отдельный танковый полк*
отм.	*отметка*
пд	*пехотная дивизия*
подсобн.хоз.	*подсобное хозяйство*
пп	*пехотный полк*
ПСД	*пункт сбора донесений*
ПТО	*противотанковая оборона, противотанковое орудие*
ПТР	*противотанковых ружей*
р.	*река*

РПСС	*рота подвижных средств связи*
руж. пуль.	*ружейно-пулеметный*
свх.	*совхоз*
сд	*стрелковая дивизия*
с/д	*суточная дача*
СК, ск	*стрелковый корпус*
ст.	*станция*
ст.л т.	*старший лейтенант*
ТА, та	*танковая армия*
тбр	*танковая бригада*
тк	*танковый корпус*
х.	*хутор*
ЦТС	*центральная телефонная станция*
штакор	*штаб корпуса*
штарм	*штаб армии*